

**КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ НАУК И МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ**

Кафедра социальной философии

М.Г. ХОРТ

**ВВЕДЕНИЕ В МЕТАЭТИКУ:
учебно-методическое пособие**

Казань – 2023

УДК 17.01
ББК 87.70
X 82

Рекомендовано учебно-методической комиссией Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ к размещению в электронном архиве Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского
Протокол №5 от 10 марта 2023

Автор: Хорт М.Г., кандидат философских наук, ассистент кафедры социальной философии КФУ

Рецензент: Либерман С.А., кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии КФУ

X 82 Хорт М.Г. Введение в метаэтику: учебно-методическое пособие / М.Г. Хорт. – Казань: Казанский федеральный университет, 2023. – 71 с.

Пособие является кратким обзором тем современной метаэтики. Рассматривается своеобразие метаэтики как философской дисциплины, отличающей ее от дескриптивной и нормативной этики. Дается краткое описание основных метаэтических теорий — интуитивизма Дж. Мура, эмотивизма, квазиреализма. Отдельно обсуждаются аргумент открытого вопроса, теория ошибки и проблема Фреге-Гича. В пособии также имеется контрольный тест, список тем для эссе и критерии его проверки. Предназначено для студентов, обучающихся по направлению 47.03.01 – Философия.

© Хорт М.Г., 2023

© Казанский федеральный университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

§ 1. Метаэтика как часть моральной философии	4
§ 2. Тезисы Дж. Мура против этического натурализма	9
§ 3. Критика аргументов Мура.....	15
§ 4. Эмотивизм и проблема Фреге-Гича.....	21
§ 5. От Витгенштейна к нон-когнитивизму	30
§ 6. Теория моральной ошибки	40
§ 7. Аргументы в пользу квазиреализма	45
Контрольный тест	60
Темы и критерии проверки эссе	63
Список литературы	68

§ 1. Метаэтика как часть моральной философии

Философское исследование морали возможно в рамках трёх различных дисциплин: дескриптивной этики, нормативной этики и метаэтики. Каждая из указанных дисциплин имеет свой специфический предмет, а также собственную исследовательскую методологию. Общим для них является объект исследования – мораль, поэтому как целое все три дисциплины называются «моральной философией» или просто «этикой».

Дескриптивная этика исследует мораль как культурно, исторически и социально обусловленное явление. Предмет её изучения – это наличная аксиология различных обществ. Как правило, дескриптивная этика тесно связана с такими науками, как культурная антропология, социология, религиоведение и т.д. В рамках данной дисциплины решаются вопросы компаративного анализа моральных практик в разных культурах, поиска их экономического, политического или религиозного основания. Дескриптивная этика – это эмпирическая этика, и она не ставит своей задачей дать ответы на вопросы о «хорошем» и «плохом», но лишь о том, что в разных обществах считается морально хорошим или плохим.

Нормативная этика, напротив, стремится ответить на вопросы о ценностях как таковых, абстрагировавшись от их культурного или исторического контекста. В рамках данной дисциплины ставятся вопросы следующего рода: «что можно назвать морально хорошим?», «какое действие является должным?», «каковы причины поступать тем или иным образом?», «почему воровать – плохо, а заниматься благотворительностью — хорошо?». Нормативная этика зачастую отождествляется с этикой в целом, так как она долгое время являлась доминирующим способом размышления о морали в философии.

Третий тип моральной философии – это метаэтика, которая ставит своей целью прояснить используемые дескриптивной и нормативной этиками понятия и суждения. Иными словами, метаэтика задается вопросами о смысле и значении ценностных терминов, о семантике выражений с подобными

терминами, а также об их эпистемологии. Как отмечает Майкл Смит: «В метаэтике нас беспокоят не вопросы из области нормативной этики, такие как “должен ли я помогать голодающим?” или “должен ли я вернуть бумажник, найденный на улице?”, но вопросы об этих вопросах»¹. Возникновение метаэтики тесно связано с историей развития аналитической философии, поэтому её также иногда называют «аналитической этикой».

Таким образом, основной объект исследования метаэтики – это язык морали (или моральный дискурс в аналитическом смысле данного понятия). Уильям Франкена выделяет четыре основных вопроса, на которые стремится ответить любая метаэтическая теория²:

1. Вопрос смысла моральных (оценочных и деонтических) понятий и правил их употребления в предложениях;
2. Вопрос отличия специфически моральных понятий и высказываний от простых дескриптивных суждений;
3. Вопрос семантики связанных с моральными терминами понятий, не имеющими четко означенных моральных коннотаций («действие», «мотив» и так далее);
4. Вопрос о том, могут ли в целом этические суждения быть обоснованными.

Для ответа на указанные вопросы недостаточно обратиться к стандартным эпистемологическим или логическим теориям, хотя, несомненно, они играют в данном случае важную инструментальную роль. Дело в том, что моральные суждения выражаются в языке совершенно особым типом предложений – прескрипциями, что было показано еще Д. Юмом. В знаменитом пассаже он констатирует: «Я заметил, что в каждой этической теории, с которой мне до сих пор приходилось встречаться, автор в течение некоторого времени рассуждает обычным способом, устанавливает существование бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в

---

¹ *Smith M.* The Moral Problem. Oxford, 1994. P. 2.

² *Frankena W.* Ethics. Michigan, 1973. P. 96.

предложениях, а именно «есть» или «не есть», не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки «должно» или «не должно». Подмена эта происходит незаметно, но тем не менее она в высшей степени важна. Раз это должно или не должно выражает некоторое новое отношение или утверждение, последнее необходимо следует принять во внимание и объяснить, и в то же время должно быть указано основание того, что кажется совсем непонятным, а именно того, каким образом это новое отношение может быть дедукцией из других, совершенно отличных от него»¹.

Процитированный фрагмент важен по двум причинам. Во-первых, в нем Д. Юм указывает на логическую несовместимость описательных высказываний о фактах и высказываний, предписывающих должное. Позднее эта дихотомия была названа «гильотиной Юма». Она оказала большое влияние на дальнейшее развитие всей моральной философии, став, в определенной степени, методологической предпосылкой возникновения метаэтики. Л.В. Максимов замечает по этому поводу, что «Юм фактически, не сознавая этого, положил начало особому метафилософскому подходу – логико-лингвистическому анализу текстов с целью прояснения, критики, уточнения или снятия традиционных философских проблем. Позднее – уже в качестве осознанной методологической установки – этот подход как раз и стал основным конституирующим признаком современной аналитической философии»².

Не менее важно и другое содержащееся в цитате Юма утверждение, а именно, что этическая теория должна указать на основание дедукции прескрипций. Данное требование также является одной из важных предпосылок метаэтического анализа.

Определение моральных высказываний в качестве прескрипций подразумевает решение вопроса об их эпистемическом и онтологическом статусе. Исходя из этого, исходные вопросы метаэтики, указанные У. Франкеной, можно трансформировать в два вопроса: «выражают ли моральные

---

¹ Юм Д. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам. М., 1995. С. 229–230.

² Максимов Л.В. «Гильотина Юма»: pro et contra // Этическая мысль: № 12, 2012. С.125.

высказывания знание?» и «обозначают ли моральные высказывания реальные факты и/или свойства?». Возможны четыре ответа на указанные вопросы, которые исчерпывают все типы метаэтических теорий: (а) когнитивный натурализм, (b) когнитивный нон-натурализм, (с) нон-когнитивный натурализм и (d) нон-когнитивный нон-натурализм.

Теории типа (а) – это классические нормативные этические системы. Для них характерно отрицание дихотомии Юма. Они не признают, что между моральными и ассерторическими высказываниями существует принципиальная разница¹. И те, и другие выражают знание о естественных фактах. Моральное высказывание так же, как и ассерторическое, составляет убеждение, и может быть истинным или ложным. Для каждого оценочного высказывания может быть обнаружен его дескриптивный эквивалент, для которого, в свою очередь, будут применимы принципы эпистемического и логического обоснования. Собственно, задача нормативной этики и состоит в том, чтобы обнаружить подобный эквивалент. Таким образом, обоснованное моральное высказывание для (а) – это такое высказывание, для которого найден его ассерторический аналог.

Проблема теорий данного типа заключается в том, что они делают этику зависимой от метафизики. Если предположить, что имеются две теории T1 и T2, то, рассмотренные с метапозиции, их утверждения могут быть одинаково релевантны:

T1 утверждает: «Должно x тогда и только тогда, когда x есть N1», где N1
некоторое естественное свойство.

T2 утверждает: «Должно x тогда и только тогда, когда x есть N2», где N2
некоторое естественное свойство.

Истинность обоих высказываний зависит от имплицитно принятой посылки об эквивалентности «должного» некоторому естественному свойству. При этом свойства N1 и N2 могут быть не эквивалентны друг другу и даже состоять в контрадикторных отношениях. Соответственно, если мы спросим

---

¹ Skarsaune O. How To Be a Moral Platonist // Oxford Studies in Metaethics: № 10, 2015. P. 116.

обе теории, какое из указанных естественных свойств предпочтительнее, они будут вынуждены сослаться на определённую метафизическую концепцию, где данное свойство по определению эквивалентно моральным универсалиям. Из этого следует, что (а)-теории элиминируют моральную философию как самостоятельную дисциплину, перепоручая решение этических вопросов метафизике. Это признают и сами нормативные этики: «имеется более одной теории того, как мы должны действовать. <...> Более того, эти различные теории – подлинные соперники, а не просто альтернативные способы говорить об одном и том же. <...> Так как они не согласны, то и не могут быть одновременно правильными: мы должны выбирать между ними. Но что направляет наш выбор? На каких основаниях мы принимаем или отвергаем нормативную теорию? Как могут быть защищены моральные утверждения? Как уже отмечалось, это главный вопрос метаэтики, а не нормативной этики»¹.

Подчинение моральной философии метафизике приводит к релятивизации нормативной этики вопреки её исходным реалистическим посылкам. Более того, кризис онтологической проблематики (например, в связи с развитием конкретных наук) приводит и к кризису нормативной этики, которая заменяется плюралистичным «описанием нравов», то есть дескриптивной этикой. Стоит также отметить, что указанный изъян нормативной этики привел к тому, что современные специалисты в данной области, как правило, занимаются скорее историей дисциплины, чем позитивной разработкой новых теорий. Либо же, как это происходит в процитированной выше работе Ш. Каган, авторы уточняют, проясняют и систематизируют аргументы классических нормативных теорий (утилитаризма, кантовской деонтологии и т.д.).

---

¹ *Shelly K. Normative ethics. Colorado, 1998. P. 11.*

§ 2. Тезисы Дж. Мура против этического натурализма

Метаэтика возникает в начале двадцатого века как попытка избежать этического релятивизма, для чего нужно было подвергнуть (а)-теории критике. Первым, кто осуществил систематический анализ когнитивного натурализма, был Джордж Мур. Он переопределяет задачи моральной философии, заявляя, что «главный предмет этики как систематической науки состоит в том, чтобы давать правильные обоснования отдельных суждений о добре»¹. Для Дж. Мура важно показать, что (а)-теории ложны в целом, и что вопреки кажущемуся разнообразию подходов внутри нормативной этики, все они основаны на неверных посылах.

Важно, что Мур не отрицает нормативной этики как таковой, но отрицает имплицитно принимаемую нормативными этиками метаэтическую теорию. Нормативная этика должна быть естественным продолжением метаэтической теории, а не ее заменой. Как замечает по этому поводу С. Дарвал: «[утверждение того], что метаэтический анализ должен доминировать в этической философии, вряд ли было намерением Мура. Действительно, с методологическими установками «Principia ethica» согласуется то, что философское значение метаэтики полностью инструментально, она является предварительным ответом на нормативные этические вопросы, которые и составляют действительную задачу этической философии»².

Главное обвинение Мура против (а)-теорий заключается в том, что, по его мнению, они подвержены «натуралистической ошибке» («naturalistic fallacy»). Он пишет: «может быть верно, что все хорошие предметы имеют одновременно и ещё какое-то свойство, как верно, например, то, что все предметы желтого цвета производят определенный вид световых волн. И этика фактически стремится установить, каковы те другие свойства, которые присущи всем хорошим предметам. Но слишком многие философы думали, что установление этих других свойств и есть в действительности определение понятия «добро»;

---

¹ Мур. Дж. Природа моральной философии. М., 1999. С. 43.

² Darwall S. How should ethics relate to (the rest of) philosophy? Moore's legacy. Oxford, 2006. P. 20.

что эти свойства в действительности были не просто чем-то «иным», а абсолютно и целиком тем же самым, что и добро. Эту точку зрения я предлагаю назвать «натуралистической ошибкой», и анализом её я попытаюсь теперь заняться»¹. Таким образом, натуралистическая ошибка заключается в том, что (а)-теории дают несоразмерные дефиниции моральным понятиям. Любая концепция морали, основанная на попытке вывести утверждения о ценностях из высказываний о реальности, ложна. Отметим, что, хотя ошибка называется «натуралистической», ей, как считает Мур, подвержены и метафизические концепции (например, идея блага Платона): «<...> они [метафизические этики] также подразумевают, что данное этическое утверждение вытекает из некоторого утверждения метафизического характера, то есть вопрос «что является реальным?» имеет некоторое логическое отношение к вопросу «что является добром?». Именно по этой причине <...> метафизическая этика основана на натуралистической ошибке»².

По мнению Мура, любое метафизическое свойство («естественное» свойство) не может быть эквивалентно «простым» ценностям, например, таким как добро. Задача метаэтики, исходя из этого, двояка: во-первых, она должна находить натуралистическую ошибку в имеющихся этических теориях, во-вторых, должна разработать положительную теорию обоснования моральных суждений, которая бы не была основана на идее референции ценностей к фактам. То, как Мур решает проблему построения нон-натуралистической концепции, мы рассмотрим ниже. Сейчас важно обсудить логическое основание натуралистической ошибки, которое заключено в «Аргументе открытого вопроса» («The open question argument»).

Рассмотрим следующее суждение: р.1 «всякий холостяк есть неженатый мужчина». Предположим, некоторый х является холостяком. Относительно него можно сформулировать вопрос: q.1 «х – холостяк, является ли он неженатым мужчиной?». С точки зрения логической семантики, р.1 составляет

---

¹ Мур. Дж. Природа моральной философии. М., 1999. С. 47.

² Там же. С. 131.

аналитически истинное высказывание, то есть такое, которое истинно в силу значения входящих в него понятий. А.Р. Каримов пишет: «Спросим, являются ли холостяки неженатыми мужчинами? Если мы договорились о значении термина «холостяк» (какой объект является референтом данного термина), то да. А до этого? Нет. То, что высказывание «все холостяки – неженатые мужчины» не является просто тавтологией, видно при сравнении с предложением: «все холостяки суть холостяки». Но то же самое касается следующих суждений: «физические объекты имеют цвета», «тела, на которые не воздействует никакая сила, движутся инерционно» и т.п. Если мы договорились о значении термина «физическое тело», то для нас все эти суждения тоже являются аналитическими, хотя они, безусловно, расширяют наше знание о мире. Ни холостяки, ни физические тела не являются специально созданными понятиями, они существуют в действительности. Высказывания о них есть высказывания не о понятиях, а о предметах. Но приведённые выше высказывания являются истинами в силу того, что мы вкладываем в значение понятия «холостяк», «физическое тело», т.е. аналитическими»¹.

Иными словами, высказывания данного типа хотя и могут быть полезными в познавательном смысле, но их польза ограничена языковой компетентностью. Вопрос q.1 покажется нелепым для компетентного носителя русского языка, так как он знает, что «холостяк» есть неженатый мужчина по определению. Неженатый мужчина, иными словами, есть значение понятия «холостяк», и спорить об указанной эквивалентности – это спорить о языковой норме. Исходя из этого, вопрос типа q.1 можно назвать «закрытым», то есть таким, который не может стать предметом спора для компетентных носителей русского языка. В p.1 утверждается эквивалентность двух понятий. В любом значимом выражении на место понятия «холостяк» можно поставит сложное понятие «неженатый мужчина» без потери смысла.

Как говорилось выше, нормативные теории (а)-типа стремятся обосновать моральные суждения с помощью указания на эквивалентность простых

---

¹ Каримов А.Р. Введение в аналитическую философию. Казань, 2012. С. 51.

моральных понятий и некоторых естественных онтологических свойств. Соответственно, если (а)-теории истинны, то вопрос относительно высказывания об эквивалентности ценностного понятия некоторому естественному свойству – это вопрос об аналитическом высказывании. Но как было сказано выше, вопрос об аналитическом тождестве – это «закрытый» вопрос, он не может быть объектом предметного спора для компетентных носителей языка. Следовательно, имеется следующее условие: «(а)-теория истинна тогда и только тогда, когда вопрос об аналитическом тождестве ценностного понятия естественному свойству есть «закрытый» вопрос». Именно это условие отрицает Мур, когда пишет, что «гипотеза, согласно которой разногласия относительно значения добра являются разногласиями по поводу правильности анализа данного сложного целого, явно неверна. В этом можно убедиться, если исходить из того, что какая бы дефиниция ни была предложена, всегда можно задать себе вопрос: Является ли определяемое сложное понятие добром самим по себе?»¹.

Допустим, что М – некоторое понятие о моральном свойстве (например, «хорошее»), а N – некоторое понятие о естественном свойстве (например, «удовольствие»). (А)-теория утверждает: р.2 «все М есть N». (В)-теория задает вопрос: q.2 «действительно ли все М есть N?». Или более точно: «х обладает свойством N, но обладает ли х свойством М?» («действие х приносит максимум удовольствия, но является ли оно хорошим?»). Вряд ли q.2 можно назвать «закрытым» вопросом в том же смысле, в каком мы таковым назвали q.1, и вряд ли это сделают даже те, кто считает, что в р.2 действительно утверждается аналитическое тождество. Иными словами, q.2 – это «открытый» вопрос, который может стать объектом предметного спора между компетентными носителями языка. Следовательно, так как q.2 не является бессмысленным, то р.2 ложно. Но если ложно р.2, то ложны (а)-теории как таковые.

Мур не удовлетворяется критическим рассмотрением (а)-теорий, но также стремится дать собственный ответ на вопрос о статусе моральных суждений.

---

¹ Мур. Дж. Природа моральной философии. М., 1999. С. 51.

Отрицая эквивалентность моральных свойств естественным, он, тем не менее, не отрицает реальность самих моральных свойств. Мур считает, что моральным понятиям соответствуют «простые свойства», подобные тем, что выражаются в понятиях о цвете. Для таких свойств характерно, что они несводимы ни к каким другим, они неопределимы. Знание о свойствах подобного рода непосредственно, и именно поэтому Мур называет свою концепцию «интуиционизмом».

Здесь важно отметить, что неопределимость простых свойств не означает того, что выражающие их понятия бессмысленны или лишены значения. Напротив, в этом и заключается их главная особенность, так как они и являются тем самым, через что могут быть определены сложные составные понятия. С. Сомс пишет: «Если Мур прав, что свойство быть хорошим является простым, неопределимым, то слово “хороший” не имеет дефиниции в смысле Мура, но оно все еще имеет значение [meaning]. Действительно, его значение – это неопределенное свойство, которое оно выражает. Таким образом, даже если никто не знает дефиницию “хорошего”, возможно знать, что “хороший” означает»¹. Дефиницию возможно дать только для сложных свойств, например, для свойства «быть лошадью». Относительно лошади можно утверждать, например, что для нее характерно обладать четырьмя ногами. Соответственно, свойство «обладать четырьмя ногами» будет входить в качестве элемента в дефиницию более высокопорядкового свойства «быть лошадью». Осуществить подобную процедуру анализа для простых свойств невозможно: для цвета нельзя обнаружить более простых свойств, которые могли бы стать основанием дефиниции понятия о нем. То же самое применимо, по мнению Мура, к моральным свойствам и понятиям. Будучи простыми, они не могут быть сведены к другим свойствам.

Мур уверен, что природа моральных разногласий не коренится в спорах по поводу естественных эквивалентов моральных свойств. Она коренится в разной степени нашей осведомленности о значении моральных понятий.

---

¹ *Soames S. Philosophical analysis in the twentieth century. Princeton, 2003. P. 38.*

Причиной этого является разная степень развитости нашей интуиции. Впрочем, постулирование непосредственности морального знания приводит нас к следующей проблеме: если моральное знание интуитивно и интуиция о морали может быть разной, но при этом никаких объяснений механизма её порождения у нас нет, то как сохранить безусловный характер этического долженствования, в том числе безусловной ответственности за приверженность моральным суждениям (это так называемая проблема интернализма моральных высказываний)?

§ 3. Критика аргументов Мура

Как было показано, концепция Дж. Мура состоит из двух частей – критической и позитивной. Основой критической части является натуралистическая ошибка и подтверждающий ее аргумент открытого вопроса, которых, как считает Мур, достаточно, чтобы отвергнуть все (а)-теории. Позитивная часть концепции включает в себе идею об интуитивном характере этического знания, что должно гарантировать его реалистичность при сохранении неестественности моральных фактов и свойств. Соответственно, опровержение построений Мура может быть реализовано либо как опровержение критической части его концепции, либо как позитивной, либо обеих сразу.

Опровержение критической части можно назвать формальным, так как оно касается исключительно логических вопросов о статусе аргумента открытого вопроса. Формальное опровержение не влечет за собой каких-либо содержательных выводов относительно теорий морального обоснования. Впрочем, так как аргумент открытого вопроса был призван продемонстрировать несостоятельность именно (а)-теорий, то его опровержение, в определенной степени, может свидетельствовать о реабилитации указанных теорий. Опровержение позитивной части концепции Мура может быть реализовано только в качестве построения альтернативной теории обоснования. При этом нет противоречия в том, что опровержение позитивной части не влечет за собой также и опровержения критической. Слабая связь между указанными частями концепции Мура позволяет принять её критическую составляющую, не принимая позитивной (либо не принимать обеих). В данной главе мы рассмотрим аргументы тех, кто оппонирует критической части концепции Мура. Далее будет выполнена реконструкция тезисов эмотивистских (проективистских) концепций, которые, принимая натуралистическую ошибку (то есть критическую часть его теории), отвергают позитивные выводы Мура и занимают позицию в рамках (d)-теорий.

Итак, опровержение критической части теории Мура – это опровержения аргумента открытого вопроса (ОQA). Одну из первых попыток подобного опровержения мы обнаруживаем в статье У. Франкены «Натуралистическая ошибка»¹, где ставится под сомнение сама идея «открытого вопроса» как осмысленного аргумента. Главный тезис заключается в том, что вопрос может казаться открытым, не будучи таковым на самом деле. Вывод о том, что вопрос об утверждении эквивалентности некоторого морального свойства М естественному свойству N является открытым – это не логический, а скорее психологический вывод. Иными словами, он не является логически необходимым, а значит не может быть рассмотрен как аргумент. Для понимания тезиса Франкены важно рассматривать посылку об эквивалентности в ОQA как утверждение нумерического тождества (тавтологии), а не предикацию. Тогда аргумент можно записать следующим образом:

OQA1 (где «= $\Rightarrow$ » – нумерическое тождество):

1. Если имеется открытый вопрос относительно высказывания « $M=N$ », то $\sim(M=N)$;
2. Если $\sim(M=N)$, то (a)-теории ложны;
3. Имеется открытый вопрос относительно высказывания « $M=N$ ».
4. Следовательно, (a)-теории ложны.

Франкена утверждает, что натуралистические концепции лучше называть дефинистскими, так как они стремятся не установить эквивалентность морального и естественного свойств, но дать определение моральным понятиям. Определение, в идеале, включает в себе тавтологическое аналитическое предложение. Но оно не обязательно «успело» стать языковой нормой². Если предложение стало языковой нормой, то оно уже не определение, а утверждение об эквивалентности синонимичных понятий. Определение отличается от утверждения об эквивалентности тем, что оно информативно. К определению возможно задать открытый вопрос, но его нельзя задать к

---

¹ Frankena W.K. The Naturalistic Fallacy // Mind: № 48, 1939. P. 464–477.

² Etchemendy J. The Concept of Logical Consequence. Cambridge, 1990. P. 30–31.

утверждению о синонимичной эквивалентности. В суждениях типа «M=N» натуралистические концепции, как считает Франкена, стремятся дать именно определение, а не указать на синонимическую эквивалентность. Исходя из этого, рассматривая посылку (3), мы должны заключить, что она является необоснованной, поскольку её истинность основана на суждении (4), которое является выводом из (1), (2) и (3) по *modus ponens*. По сути, Франкена говорит о том, что в ОQA имеется ошибка предвосхищения основания: «обвинение в совершении натуралистической ошибки если вообще и может использоваться, то только в качестве вывода из спора, но не в качестве инструмента его решения»¹.

Второй способ опровержения ОQA связан с центральной проблемой аналитической философии, давшей название данному направлению, а именно, с проблемой дистинкции синтетических и аналитических высказываний. Вопрос о природе и статусе аналитических высказываний был поставлен еще в трудах нововременных философов, где он был увязан с проблемами истинности, тождества, определения, а также источников познания. Как правило, аналитические высказывания рассматриваются либо в форме дефиниций («человек есть двуногое бесперое»), либо в форме эквивалентности («все холостяки суть неженатые мужчины»), либо в форме специфических априорных утверждений логики и математики (« $2+2=4$ »). Независимо от того, какую форму принимает аналитическое высказывание, его важнейшей характеристикой остается то, что оно есть необходимый результат корректного анализа. Под анализом мы будем понимать логико-эпистемическую процедуру образования аналитических высказываний. В чем именно состоит указанная процедура – это предмет отдельного сложного разбора, который выходит за рамки нашего повествования. Будем считать, что для нас одинаково релевантными являются лингвистическое понимание (анализ как обобщение реального употребления слов, результат которого – словарное определение),

---

¹ *Frankena W.K. The Naturalistic Fallacy // Mind: № 48, 1939. P. 465.*

эмпиристское (анализ как индуктивное обобщение опыта), кантовское (анализ как интеллектуальная интуиция) и прочие.

Анализ является корректным, когда его результатом является утверждение аналитического высказывания. Тогда аргумент открытого вопроса может служить проверкой корректности анализа: если перед нами такое высказывание, к которому невозможно задать «открытый» вопрос, но только «закрытый», то перед нами аналитическое высказывание, а проведенный анализ является корректным. Мур утверждает, что корректный анализ всегда является неинформативным, то есть он не дает нам ничего действительно нового знания. Анализируя X в терминах x_1, x_2, x_3 , мы лишь проясняем то, что нам и так известно. Чтобы проанализировать X , мы в качестве пресуппозиции должны, по мнению Мура, обладать пониманием того, что x_1, x_2, x_3 суть составные элементы X . Но результатом анализа является аналитическое высказывание « X есть x_1, x_2, x_3 », которое не более чем иной способ выражения пресуппозиции нашего понимания понятия X . Об этом же говорит Л. Витгенштейн, когда рассуждает о тождестве: «5.5303. Между прочим, сказать о двух предметах, что они тождественны, бессмысленно, а сказать об одном предмете, что он тождествен самому себе, значит ничего не сказать»¹. Таким образом, мы сталкиваемся с парадоксом: анализ, цель которого приобретение нового знания, тогда и только тогда корректен, когда он неинформативен. А. Пап так в более строгих терминах формулирует указанную проблему: «мы могли бы спросить: если суждение формы $p \vee q$ тождественно соответствующему суждению формы $\sim(\sim p \& \sim q)$, то как может эквивалентность $((p \vee q) \equiv \sim(\sim p \& \sim q))$ быть более информативной, чем тривиальная эквивалентность $p \vee q \equiv p \vee q$? И если число 4^3 тождественно числу 64, то как может уравнение $4 = \sqrt[3]{64}$ быть более информативным, чем тривиальное уравнение $4 = 4$?»². Данный парадокс является основанием аргумента открытого вопроса. Доказательство того, что

---

¹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 2017. С. 162.

² Пап А. Семантика и необходимая истина: исследование оснований аналитической философии. М., 2002. С. 253.

анализ может быть корректным и информативным, укажет на несостоятельность критики (а)-теорий Муром.

Парадокс анализа обнаруживается на двух уровнях – логическом и эпистемологическом. В случае логики, мы должны дать ответ на вопрос о статусе тождества, а в случае эпистемологии – о статусе аналитических истин. Для логики вопрос будет звучать так: является ли тождество выражением особого отношения между знаками, между объектами или знаком и объектом? Здесь можно согласиться с Витгенштейном, который настаивал, что тождество не является особым отношением между объектами. То, что обозначается одним знаком – есть тождественное, а потому не нужен особый знак тождества, который вводил Б. Рассел. «Тождество объектов я выражаю тождеством знаков – пишет Витгенштейн – $\langle \dots \rangle$ следовательно, знак тождества не является существенной составной частью логической символики»¹. Подобная позиция позволяет избежать «размножения» абстрактных сущностей. В выражении « $2+2=4$ » знак « $=$ » является конвенциональным элементом, который указывает на возможность другого способа записи, но не постулирует особое отношение между объектами $2+2$ и 4 . Проблема, считает Витгенштейн, существует только на уровне математических и логических рассуждений, когда мы пытаемся придавать математическим символам реальное значение, которого у них нет.

Математические высказывания не имеют референции сами по себе, они лишь способ рассуждения о реальных объектах. Объясняя указанную позицию Витгенштейна, В. Суровцев приводит пример: «мы можем сказать, что из того, что у меня есть $2 + 2$ шляпы, я могу вывести, что у меня 4 шляпы, при этом, конечно, данные пропозиции нужно представить в соответствующем виде, чтобы вторую можно было представить как результат преобразований первой. Но всё равно « $2 + 2 = 4$ » в данном случае есть лишь способ преобразования одного выражения в другое»². Таким образом, логический аспект парадокса анализа снимается указанием на то, что тождество есть лишь функциональный

---

¹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 2017. С. 162.

² Суровцев В.А. Л. Витгенштейн и Ф.П. Рамсей о тождестве (2) // Вестник Томского государственного университета: № 2, 2011. С. 174.

знак, который может быть устранен из логического рассуждения при допущении иных конвенций. Для Витгенштейна было важно показать, что математические предложения – это псевдопредложения, они ничего не сообщают о мире, хотя и могут помогать нам преобразовывать значимые выражения. В этом смысле тождество, пользуясь витгенштейнианским языком, не является фактом, а значит находится за пределами стандартных семантических требований. Соответственно, можно расширить это рассуждение на позицию Мура: парадокс анализа не есть парадокс, поскольку нельзя выдвигать семантическое требование значимости к знаку (тождество), имеющему исключительно синтаксическую роль.

Следующий вопрос возникает на эпистемологическом уровне: возможно ли познание чего-либо без знания составных элементов познаваемого? Если да, то парадокс анализа устраняется. Для ответа на указанный вопрос недостаточно вывести из синтаксического решения парадокса тождества следствие, что если тождество является лишь функциональным знаком, то и связка «есть» в аналитических высказываниях не имеет познавательного значения, а аналитических истин не существует. Подобное следствие недостаточно, так как на эпистемологическом уровне рассматривается не только связь объектов и знаков, но и само знание. Основной способ разрешения эпистемологического варианта парадокса анализа – это разграничение двух типов знания: «что» и «как». Данное разграничение позволяет нам показать, что знанию не обязательно быть информативным, чтобы являться корректным. Знание «как» – это обладание способностью, а «что» есть способ выражения пропозиционального знания. Можно грамматически верно выразиться, но не знать при этом правил грамматики. А если так, то информативность и корректность не обязательно предполагают друг друга.

Таким образом, можно заключить, что лежащие в основе нон-натуралистического когнитивизма Дж. Мура посылки являются недостаточными, чтобы с помощью них решить вопрос о статусе моральных высказываний.

§ 4. Эмотивизм и проблема Фреге-Гича

Среди метаэтических теорий всегда особое место занимал эмотивизм: концепция, согласно которой критерий обоснованности к моральным высказываниям вообще не применим.

Эмотивисты утверждают¹, что моральные высказывания не выражают мнений (в смысле английского «belief»). Они есть выражение определенной эмоции говорящего, как правило, эмоции одобрения или неодобрения какого-либо факта. Моральные предложения не описывают мир, не выполняют дескриптивной функции языка. Они скорее есть выражение установки («attitude») говорящего. Установка – это субъективная оценка факта, то, что находится за пределами его простой констатации. Установка – это проекция в мир чувств и переживаний субъекта (поэтому некоторые разновидности эмотивизма также называют² проективизмом или экспрессивизмом). К примеру, человек может испытывать ужас от вида огромного паука. Сам паук – это факт. Эмоция ужаса, которую испытывает какой-либо человек по отношению к пауку, не входит в структуру этого факта, она есть установка воспринимать факт определенным образом, то есть проекция этого факта.

Важно, что для эмотивизма моральное предложение не есть высказывание об эмоциях, но само выражение эмоции. Следовательно, любое предложение, в котором есть моральный термин, всегда единично. Поэтому, отталкиваясь от верификационистской теории значения, эмотивисты приходят к мысли, что предложения-установки, не обнаруживаемые в интерсубъективном опыте, не могут быть истинными или ложными³.

Рассмотрим два предложения: (1) «убийство карается по закону» и (2) «убийство аморально». Кажется, что в обоих случаях мы имеем дело с предложениями, в которых одному и тому же субъекту предписываются схожие

---

¹ *Satris S.* Ethical Emotivism. Netherlands, 1987. P. 28.

² *Edel A.* Wise Choices, Apt Feelings: A Theory of Normative Judgment // International Studies in Philosophy: № 24, 1992. P. 143–144.

³ *Satris S.* Ethical Emotivism. Netherlands, 1987. P. 40.

предикаты. Формально предложения одинаковы, но с точки зрения эмотивизма во втором случае мы имеем дело с моральным термином. Разница в том, что предикат из первого предложения имеет «естественную» семантику, а суждение, в которое он входит, в целом верифицируемо: (1) истинно тогда и только тогда, когда убийство карается по закону. Второе же предложение не верифицируемо, так как термину «аморально» не соответствует никакое положение дел в действительном мире. Во втором предложении выражается некоторая установка неодобрения такого явления как убийство, но ничего не сообщается о мире, так как такого факта как «аморально», по мнению эмотивистов, нет.

Одна из центральных фигур в эмотивизме – Алфред Айер – прямо утверждает, что моральный термин ничего не добавляет к предложению, но только указывает на то, что произнесение его сопровождается определенными эмоциями. Айер утверждает в известном пассаже: «наличие этического символа в пропозиции ничего не добавляет к его фактуальному содержанию»¹. Эту цитату можно рассматривать как сведение функции моральных терминов к синтаксическому преобразованию. Иными словами, проблема моральных высказываний для Айера не в определении того, что они значат, так как они буквально не значат ничего, но в том, как они образуются.

Проблема моральных разногласий решается в том же направлении. Отрицая наличие верифицируемого значения за моральными предложениями, эмотивисты заявляют о неприменимости принципов исключенного третьего и непротиворечия к моральному рассуждению. Два контрадикторных ценностных высказывания относительно одного и того же факта могут быть одинаково приемлемы с точки зрения эмотивиста, так как выражение эмоции не может быть истинным или ложным. Когда людям кажется, что они спорят относительно морали, они, как считает Айер, на самом деле спорят о фактах, либо же пытаются навязать оппоненту свою установку: «во всех таких случаях [моральных разногласий] мы обнаруживаем, если ближе рассмотрим предмет,

---

¹ Айер А.Дж. Язык, истина и логика. М., 2010. С. 154.

что спор в действительности относится не к вопросу о ценностях, но к вопросу о фактах. Когда кто-то не соглашается с нами относительно моральной ценности некоторого действия или типа действия, мы, конечно, прибегаем к аргументам, чтобы склонить его к нашему образу мыслей. Но мы не пытаемся показать нашими аргументами, что у него «ошибочное» этическое чувство по отношению к ситуации, природу которой он понял правильно. Мы пытаемся показать ему только то, что он ошибается в отношении имеющихся фактов»¹ и «если случилось так, что наш оппонент подвергся отличному от нашего процесса моральной «обработки», так что, признавая все факты, он все же не согласен с нами относительно моральной ценности рассматриваемых действий, то мы прекращаем попытку убедить его с помощью аргументации»². Таким образом, причина моральных разногласий для эмотивизма заключается в разном взгляде людей на мир и в столкновении противоположных чувств.

Айер и Стивенсон были позитивистами, и как нами уже сказано, основа эмотивизма – это верификационистская теория значения. Она применяется, чтобы показать несостоятельность нон-натуралистических когнитивистских концепций в стиле Мура. Согласно логическому позитивизму лишь два типа высказываний могут обладать значением: синтетические, то есть верифицируемые, и аналитические, то есть истинные по определению. Моральные предложения не принадлежат ни к первому, ни ко второму типу высказываний, а потому должны быть названы «буквально бессмысленными», т.е. не имеющими значения в рамках позитивизма.

Позиция Мура, в соответствии с которой существуют неестественные, простые и неанализируемые моральные свойства, отрицается эмотивизмом как «метафизическая». Нет оснований после принятия не аналитического характера моральных предложений (что следует из ОQA, с которым согласен Айер) постулировать *ad hoc* некоторые сущности, чтобы спасти этику. Как пишет Айер: «признавая, что нормативные этические понятия не сводимы к

---

¹ Там же. С. 158–159.

² Там же. С. 159.

эмпирическим понятиям, мы, казалось бы, оставляем открытым путь «абсолютистскому» взгляду на этику; т.е. взгляду, что высказывания о ценностях подконтрольны не наблюдению, как подконтрольны обычные эмпирические пропозиции, но только таинственному «интеллектуальному созерцанию». Одна особенность этой теории, которая редко осознается ее сторонниками, состоит в том, что эта теория делает ценностные утверждения неverifiedируемыми. Ибо общеизвестно: что кажется интуитивно достоверным одному человеку, может казаться сомнительным, или даже ложным, другому»¹.

Против эмотивизма выдвигают² множество возражений, рассмотрим основные. Во-первых, очевидная слабость эмотивизма – это его зависимость от верификационистской теории значения. Любая критика позитивистской семантики – это и критика эмотивизма. Существует большое количество высказываний, которые не верифицируемы, но научно приемлемы и вряд ли их можно назвать бессмысленными.

Во-вторых, существует проблема с определением того, в чем вообще состоит процедура «эмпирической проверки», которая должна являться содержанием значения как верификации.

В-третьих, с точки зрения аргументации, нет никакой необходимости «спасать» этику, наделяя моральные высказывания психологической значимостью. Айер, наиболее последовательно изложивший суть эмотивистского подхода к этике, был также известным антиметафизиком. В своей книге он убедительно показывает при помощи одних и тех же аргументов бессмысленность как метафизических, так и этических высказываний. При этом первые он «устраняет», признавая необходимость, хотя и бессмысленность, вторых. Но чтобы избежать морального нигилизма, Айер должен указать на критерий значимости моральных высказываний, чего им сделано не было.

---

¹ Там же. С. 152.

² *Lemos J. The Problems with Emotivism // Journal of Philosophical Research: № 25, 2000. P. 285–309.*

Указанные возражения слагаются в два основных обвинения, с которыми сталкивается эмотивизм, – это утверждение о его релятивистских следствиях и выражаемая в так называемой проблеме Фреге-Гича несогласованность нон-когнитивизма с языковой интуицией и логическим законом тождества. Рассмотрим оба обвинения подробнее.

Проблема Фреге-Гича возникает при рассмотрении моральных высказываний в качестве составных элементов логического вывода, то есть в контексте сложного высказывания, где логическая связка импликации «если..., то...» связывает простое высказывание с моральным термином и простое высказывание без моральных терминов.

Формулировка этого обвинения принадлежит логик П. Гичу, который, в свою очередь, выводил свой аргумент из семантических идей Г. Фреге по поводу сущности утверждений и вывода по *modus ponens*. В. В. Оглезнев пишет: «Пытаясь доказать, что значением предложений является их истинностное значение, Фреге пришел к выводу, что вопрос об истине возникает только тогда, когда мы переходим от простой констатации мысли к ее утверждению. Поэтому, с его точки зрения, в структуре утвердительного предложения необходимо различать: 1) схватывание мысли – мышление; 2) признание истинности мысли – суждение; 3) демонстрацию этого суждения – утверждение <...> возможно, именно этот тезис о трехуровневой структуре утвердительного предложения Гич называет “Frege point”, из которого он выводит собственный аргумент против когнитивизма: “...Мысль имеет одно и то же содержание вне зависимости от того, принимаем ли мы ее истинность или же нет; суждение может встречаться в дискурсе как в качестве утверждения, так и в другом качестве, но при этом оставаться тем же самым суждением”»¹.

---

¹ Оглезнев В.В. Проблема Фреге-Гича и аскриптивные высказывания // Философия науки: №1, 2014. С. 41.

Рассмотрим два вывода: I, не имеющий в качестве составных моральных высказываний и вывод II, имеющий таковые.

I:

- (1) Если на улице идет дождь, то асфальт мокрый.
- (2) На улице идет дождь.
- (3) Следовательно, асфальт мокрый.

II:

- (1') Если бить людей плохо, то X не бьет людей.
- (2') Бить людей плохо.
- (3') Следовательно, X не бьет людей.

В чем разница между случаями (I) и (II)? Если бы мы формализовали данные высказывания, то увидели, что их форма, вроде бы, одинакова. Соответственно, нет никаких логических противоречий в том, чтобы совершить вывод (II). Проблема возникает, если мы принимаем нон-когнитивистскую (пока что эмотивистскую) позицию по поводу семантики моральных терминов, то есть принимаем, что это установки. Тогда оказывается, что интуитивно ясная и допустимая импликация (1') невозможна, а высказывание (2') существенно отличается от (2). Антецедент (2) в (I) имеет одно и то же значение как в качестве составной части импликации, так и в качестве единичного простого суждения (то есть без вхождения). В обоих случаях высказывание «на улице идет дождь» означает ровно то, что означает – определенное положение дел, истинное, в случае действительного наличия указанного положения дел. Но в (II), при принятии нон-когнитивистской семантики, антецедент в (1') и высказывание (2') – это разные высказывания. Иными словами, вывод (3') интуитивно очевиден, но логически невозможен, потому что иначе пришлось бы либо нарушить закон тождества, либо принять, что высказывание типа «воровать плохо» имеет дескриптивное значение.

Л.Д. Ламберов иллюстрирует проблему Фреге-Гича примерами со смешением морального и дескриптивного контекстов не только в случае вывода по *modus ponens*: «Рассмотрим другой пример: “Вранье плохо, или в школе мне наврали”. Каким образом следует понимать это утверждение, где в нем

составные части? Является “или” связкой? Предположим, что утверждение “Врать плохо” понимается нонкогнитивистски. Предположим, что это утверждение интерпретируется как выражение неприятия вранья или негативной эмоции по поводу вранья. Очевидно, что комплексное утверждение может быть высказано и таким субъектом, который не испытывает негативных эмоций по поводу вранья и принимает вранье (в силу незнания некоторых фактов). Можно слегка изменить рассматриваемый пример, чтобы проблема стала еще более очевидной, следующим образом: “Либо ты поступил плохо, наврав мне, либо в школе мне наврали”. Каково значение этого утверждения при условии принятия нонкогнитивистского анализа? Оно не сводится к тому, что либо кто-то наврал говорящему, либо говорящему наврали в школе»¹.

Таким образом, проблема Фреге-Гича заключается в том, что в рамках нон-когнитивистской семантики невозможно осуществить осмысленный логический вывод. А это, в свою очередь, значит, что моральный дискурс абсолютно бессмысленен и необоснован. Отсюда выводится второе обвинение против нон-когнитивизма – указание на его релятивистскую природу.

Можно согласиться с эмотивистами, что моральные высказывания, являясь в своей основе предписательными, не могут быть истинными или ложными. Позиция когнитивизма, исходя из этого, действительно кажется крайне уязвимой: чтобы его отстаивать, нужно либо найти аргументы против гильотины Юма, либо выдвинуть понятие знания без предиката истинности. Обе задачи являются крайне трудными. Все попытки их решения видятся нам неудачными: интуиционизм Мура так и остался декларативной теорией, а многочисленные попытки показать, как возможно вывести прескрипции из дескрипций, скорее запутывают проблему, чем проясняют её.

Однако, несмотря на отрицание когнитивизма, не обязательно отказываться от реализма в области этики, как это делают эмотивисты. Причина подобного утверждения в том, что отрицание реалистической теории обоснования в области метаэтики должно приводить к отрицанию реализма

---

¹ Ламберов Л.Д. Нонкогнитивизм в этике и дефляционизм: проблема общих методологических оснований // Научный вестник Омской академии МВД России: №3, 2013. – С. 36.

моральных ценностей как таковых, но этого на практике не происходит, и в итоге моральный скептицизм и нигилизм не согласуются со здравым смыслом.

Иными словами, аргументы эмотивизма достаточно последовательны, убедительны и рациональны, чтобы их принять, но они не согласуются с опытом: практическая моральная регуляция подразумевает реализм ценностей, и люди действуют так, будто это само собой разумеется, даже если они согласны с тезисами эмотивизма. О том, почему это возможно, будет сказано в следующей главе.

Пока что отметим, что примеры тех случаев, когда люди поступают аморально, не являются здесь аргументом, так как аморальность не обязательно тождественна моральному скептицизму. Здесь стоит сказать о произведенном австралийским философом Дж. Мэки различии двух типов скептицизма по поводу ценностей¹. Во-первых, он возможен как отрицание конкретно-исторических норм, и тогда мы имеем дело со скептицизмом не по поводу морали, но по поводу нравственности, то есть традиций и практик общественной регуляции. Скептик данного типа сам находится внутри нормативной позиции, просто она не согласуется с нормативной позицией культуры или общества, в котором он живет.

Скептицизм второго типа – это отрицание моральной регуляции как таковой, то есть подлинный моральный релятивизм. Очевидно, что аморальное поведение может быть аргументом против «тезиса от здравого смысла» только в том случае, если мы имеем дело со скептицизмом второго типа. Но как он возможен? Такой скептицизм может быть оправдан только как практическая позиция, подкрепленная нон-натуралистической нон-когнитивной теорией обоснования. И мы действительно находим попытки обоснования такой позиции: например, в сочинениях Ф. Ницше. Но можно ли рассматривать работы Ницше как схему для аморального действия? Это было бы самопротиворичиво: «аморальность» подразумевает теорию обоснования, которая должна включать в себя, как включает эмотивизм, утверждение о

---

¹ *Mackie J. L. Ethics: Inventing Right and Wrong. UK, 1990. P. 15–17.*

бессмысленности моральных суждений, выводимое из их предписательного характера. Действие невозможно, если отрицается реализм того, что определяет значение предписательных суждений. Иными словами, если не возможна этика, то невозможна и «аморальная этика».

Остается ещё одно затруднение: возможно, что скептицизм второго типа обосновывает не аморальное поведение, а внеморальное, то есть действия того, кто «по ту сторону добра и зла». Но тогда мы должны сказать, что действия, совершенные в рамках такой позиции – это аффекты, ведь для них нет объяснимых мотивов, которые подразумевали бы наличие теории обоснования. Иными словами, что очевидно, позиция внеморального поведения вообще не может быть этической позицией. Таким образом, мы видим, что моральный скептицизм самопротиворечив так же, как и любой другой скептицизм. Он возможен только в двух случаях: либо как слабая позиция скептика первого типа¹, либо как оправдание аффективного поведения. Но аффективное поведение исключает рефлексию, в том числе скептическую. Лев, съедающий браконьера, действительно поступает «внеморально», но вряд ли он является последователем Ницше или Айера.

---

¹ Исследование данного скептицизма – не задача метаэтики, это исключительно вопрос эмпирических дескриптивистских исследований (социологии, истории, этнологии).

§ 5. От Витгенштейна к нон-когнитивизму

В предыдущих параграфах нами были кратко рассмотрены метаэтические теории трех типов: (а) натуралистический когнитивизм, представленный классическими этическими теориями, (b) нон-натуралистический когнитивизм, представленный интуиционизмом Мура и (d) нон-натуралистический нон-когнитивизм в варианте эмотивизма. В данной главе мы переходим к рассмотрению позиции (с) натуралистического нон-когнитивизма. Чтобы решить данную задачу, необходимо последовательно ответить на ряд вопросов: 1) можно ли считать то, что выражается в предложениях с моральной модальностью, фактами (т.к. для простых утверждений это условие выполняется); 2) возможны ли факты, не имеющие обозначения в языке; 3) возможны ли «непознаваемые» факты; 4) возможно ли говорить о «знании» ценностей, прежде всего, моральных ценностей.

Начнем с допущения. Предположим, следуя «школьным» семантическим теориям, что моральным фактом должно быть нечто, что выражается (верно или неверно) в предложении с моральной (оценочной или деонтической) модальностью, то есть то, что может утверждаться. Подобное определение морального факта мы могли бы вывести, например, из определения К. С. Льюиса, который писал, что «пропозиция — это содержание (content), которое может утверждаться. Само содержание, сигнифицирующее определенное положение дел, может быть вместе с тем поставлено под сомнение, подвергнуто отрицанию, может быть представлено как предположение, либо в каком-либо ином наклонении»¹. То есть наше допущение состоит в том, что моральные предложения отличаются от обычных утверждений синтаксически, но не семантически. Из допущенного определения выводимо, что если моральный факт существует, из этого сразу следует существование морального знания. Ведь если моральный факт существует, то существует моральное предложение, его выражающее, и оно (или его отрицание) является моральным знанием. Получается, что вариант натуралистического нон-когнитивизма логически

---

¹ Льюис К.С. Виды значения // Семиотика: Сб.ст. М., 1983. С. 217.

невозможен из одного этого простого допущения (что под моральным фактом понимается выражаемое в моральном предложении). Но мы все же считаем, что логического противоречия в возможности существования натуралистического нон-когнитивизма нет, если несколько трансформировать наши семантические представления.

Для этого выдвинем еще одно допущение. Предположим, что знание, следуя «платоновскому» определению¹, – это истинное обоснованное мнение. Какие требования для «морального знания» следуют из этого определения в случае его принятия? Во-первых, что существует особое когнитивное состояние морального убеждения. Во-вторых, что обладающий этим убеждением субъект может объяснить для других, в чем состоит это убеждение. В-третьих, самое важное, есть критерий истинности данного убеждения. Из этого определения следует вполне конкретный образ того, чем должно быть знание, а именно, знанием «что» или пропозициональным знанием. Только для этого типа знания безоговорочно выполняются три указанных условия. Таким образом, допущение классического определения ставит перед нами следующий вопрос: в какой мере знание ограничивается пропозициональным знанием и является ли моральное знание пропозициональным? Здесь нужно сказать, что знание «что» определенно является знанием фактов. Поэтому вопрос о моральном знании – это так же вопрос о моральных фактах. Если мы сможем показать, что существуют моральные факты, то это будет также доказательством существования морального пропозиционального знания.

Связующий элемент фактов и знания – это понятие «истинности». Обычно это понятие атрибутируется пропозициям в качестве их значения, и именно истинность становится основанием «превращения» пропозиций в утверждения «что» знания. Но истинность, следуя раннему Витгенштейну, можно рассматривать как свойство фактов, а не предложений. Тогда именно факты являются истинными или ложными. Свойство же предложений будет заключаться в другом – иметь определенную функцию истинности.

---

¹ Каримов А.Р. Очерки современное эпистемологии. Казань, 2017. С. 24.

Последний тезис является широко распространенным в современной логической литературе и восходит к логицизму Г. Фреге. Как пишет об этом Е.Д. Смирнова: «Нынешние значения t и f (и и л), приписываемые предложениям, – это не что иное как фрегевские *das Wahre* и *das Falsche*. Но что они собой представляют? Ситуации. <...> Принцип взаимозаменяемости предполагает, что при замене составляющего выражения α на тождественное ему по значению β значение целого не изменяется. (Известные примеры: «Утренняя звезда суть Венера», «Вечерняя звезда суть Венера»). Смысл высказывания, выражаемая им мысль, изменяются. Но заменялись тождественные по значению выражения, следовательно, значение целого сохраняется, т.е. – положение дел, репрезентируемое предложением. Но если отвлечься от смысла предложения, что остается от репрезентируемой ситуации? Остается только то, что это наличествующая ситуация (“позитивный” факт) или неналичествующая (“негативный” факт). Это фактически и есть фрегевские *das Wahre* и *das Falsche* – объекты рассмотрения (абстрактные ситуации), а не предикаты истинности или ложности. (Не случайно наличие артикля *das* – мы имеем дело с существительными.) Как в ситуации с известным чеширским котом: сам кот исчез, осталась одна улыбка. Так и конкретная ситуация, репрезентируемая предложением, исчезает, остается лишь параметр ее наличия (или отсутствия). Так формируются методологические основания логики высказываний и логики предикатов – возникают функции»¹.

Тут стоит отметить, что поэтому логически правильно говорить не «истинное (ложное) предложение», но «предложение, имеющее в качестве значения истинный (ложный) факт». Данное различие не является просто риторическим, но имеет важный смысл, особенно в контексте нашего повествования. Оно позволяет нам понять, чем являются факты, а именно, образом объектов и связей между ними. Причем само предложение так же

---

¹ Смирнова Е.Д. Обобщающий подход к построению семантики и его роль в обосновании логических систем // Логическая семантика: перспективы для философии языка и эпистемологии: Сб.ст. М., 2011. С. 15–16.

может выступать в качестве факта, что обуславливает возможность существования метаязыков.

Образ не тождественен имени, поэтому отталкиваясь от указанного понимания факта, нельзя сводить функцию предложения к репрезентации. В «Записках по логике» Витгенштейн пишет: «Факты не могут быть наименованы»¹, а В. Суровцев поясняет это утверждение: «Функцию простой репрезентации в предложении выполняют собственные имена, но предложение не сводится к их совокупности, так как между ними должна устанавливаться некоторая связь. За эту связь отвечает логическая форма, которая задаёт значение предиката, различая поведение объектов. Именно поэтому с предложением скоординирован не просто один факт, а факты, которые его подтверждают, и факты, которые его опровергают, что определяет смысл предложения»².

То есть смысл предложения определяется его возможностью выражать факты (как истинные, так и ложные), иными словами, возможностью определенным образом выражать собственное значение. С этим был согласен и Б. Рассел, который тоже рассматривал факты как то, что задает значение высказываниям: «Говоря о факте <...> я имею в виду то, что делает пропозицию истинной или ложной. Если я говорю: “Идёт дождь”, высказанное мной истинно при одних погодных условиях и ложно при других. Погодные условия, которые делают моё высказывание истинным (или ложным, в зависимости от обстоятельств), и есть то, что я называю “фактом”»³. Таким образом, факты указывают на то, в каком порядке (истинном или ложном) находятся объекты или вещи, и только через указание на этот порядок (характер логической связи, формы) мы можем понять, чем эти объекты являются.

---

¹ *Витгенштейн Л.* Дневники, 1914—1916: С прил. Заметок по логике (1913) и Заметок, продиктованных Муру (1914). Томск, 1998. С. 118.

² *Суровцев В.А.* Автономия логики: источники, генезис и система раннего Витгенштейна. Томск, 2001. С. 78.

³ *Рассел Б.* Философия логического атомизма. Томск, 1999. С. 7.

Отсюда следует, что главная функция языка – это не именование, а выражение фактов. Именно поэтому «Мир есть совокупность фактов, а не предметов»¹, ведь если бы он был совокупностью предметов, то о них ничего нельзя было бы сказать. Набор имен – это ещё не язык. Без фактов язык невозможен, невозможна была бы логика как метаязык, а вслед за этим – невозможно было бы знание о мире, который «<...> определен фактами, и тем, что это все факты»².

Из последнего следует, что факты всегда имеют выражение в языке, более того, предложения сами могут выступать в качестве фактов. Следовательно, на вопрос (2), поставленный нами в начале параграфа, мы должны ответить отрицательно. Следует ли из этого, что мы должны ответить отрицательно и на вопрос (3), то есть сказать, что непознаваемые факты невозможны? Витгенштейн, наверное, ответил бы нам, что, следуя за введенными определениям факта и знания, дабы не быть противоречивыми, мы должны признать невозможность непознаваемых фактов. Но это следствие его абсолютизации описательной (образной) функции языка. Хотя образ не тождественен именованию, тем не менее, он лишь фиксация «положений дел». И знание – это знание «что-вот-это-положение-дел». Получается, что если в предложении и говорится о чем-то, то говорится только о фактах-образах. Эта теория хорошо объясняет семантику дескрипций, но совершенно выносит за скобки предписания, декларации и прочие языковые акты. Понимая всё это, Витгенштейн, на наш взгляд, именно для разрешения в том числе указанного затруднения, вводит в своем позднем творчестве понятие «языковой игры». Через позднее творчество Витгенштейна можно понять, как возможны выразимые в языке, но не познаваемые факты.

В соответствии с его поздней теорией, пропозиция имеет не только явную структуру, но также невербализуемые коннотативные смыслы, которые зачастую оказывают решающее воздействие на истинностное значение

---

¹ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 2017. С. 36.

² Там же. С. 36.

предложения. Но что это за коннотативные смыслы, какова их природа и место в общей лингво-онтологической структуре? Для позднего Витгенштейна очевидно, что все имеющиеся языковые формы не сводимы к какой-либо одной, что нет «априорных» логических структур. Логика рассматривается теперь не как свойство мира, но как идеальный метаязык: «Между тем логика рассматривает язык — или мышление — не в том плане, в каком естествознание изучает некое явление природы, и в крайнем случае можно сказать, что мы конструируем идеальные языки»¹.

Элементы языка – имена, понятия, предложения и т.д. – все это имеет подвижную семантику. Значения данных элементов языка, а также их функции, зависят не от строя общей логической структуры Мира с центральным значением факта, но от контекста («языковой игры»), который, в свою очередь, определяется человеческой практикой («формой жизни»): «Термин «языковая игра» призван подчеркнуть, что говорить на языке — компонент деятельности или форма жизни»².

Утверждать факты – один из способов говорения, но далеко не единственный. Формы жизни могут быть совершенно различны и произвольны, каждой из них соответствует свой тип языка. Возможно ли говорить о фактах и знании в этой новой системе? Ведь они как бы становятся конструктами, следовательно, поздний Витгенштейн вроде бы элиминирует их как реальные явления. Но мы настроены утверждать противоположное. Факт, как нечто за пределами языка, о чем говорится в предложении, остается выполнять свою функцию. Факт – это то, каким способом говорится об объектах. Если мы их описываем, то этим описаниям будут соответствовать истинные и ложные факты, а предложения, имеющие в качестве значения данные факты, получают истинностную функцию. Но мы можем те же объекты не описывать, а предписывать, каким образом с ними обращаться. Тогда факт здесь – это

---

¹ *Витгенштейн Л.* Философские исследования. М., 1994. С. 87.

² Там же. С. 97.

возможность для объекта быть в определенной связи с другими объектами. И эта возможность, соответственно, может быть выполнимой или невыполнимой.

Различие между фактом в описательном предложении и в предписательном определяется тем, что в первом случае факт есть положение дел, а во втором – возможное положение дел. Различие между ними обнаруживается в языковой игре, укорененной в определенной форме жизни. Обсуждая раннее понятие факта у Витгенштейна, мы сказали, что смысл предложения – это то, как оно выражает собственное значение. Значение (в дескрипциях) может выражаться либо как истинное, либо как ложное. Но почему не как, например, выполнимое или невыполнимое? Нет противоречия в принятии такой возможности.

Приняв её, мы переходим от позднего Витгенштейна к теории речевых актов. Высказанная Дж. Остином идея о том, что посредством языка субъект не только и не столько описывает реальность, сколько создает её, хорошо объясняет, что факты не «теряются» в предписательных предложениях. Для обоснования своего тезиса, Остин обращается к анализу перформативных высказываний, то есть таких, которые создают посредством собственной актуализации некоторую социальную ситуацию. Остин пишет: «Термин «перформатив» будет нами употребляться применительно к различным родственным конструкциям примерно так же, как, например, употребляется термин «императив». Это название, конечно, производно от «perform» (представлять, осуществлять, исполнять) — обычного глагола в сочетании с существительным «действие» (action): оно указывает на то, что произнесение высказывания означает совершение действия, и в данном случае неверно думать, что имеет место простое произнесение слов»¹. К подобным высказываниям относятся, например, обещания, проклятия, пари, вызов на дуэль и т.д., то есть любые, где «употребление слов действительно есть

---

¹ Остин Дж.Л. Избранное. М., 1999. С. 23.

обычное или даже главное событие в осуществлении определенного типа действия»¹.

Данные высказывания (перформативы) по своему внутреннему устройству и по своей функции сильно отличаются от дескриптивных предложений. Последние Остин называет констативами. Таким образом, в языке выделяется две группы высказываний. Первая из них – это группа констативов, посредством которых говорящий субъект именуется объектами действительного мира, то есть называет вещи и наличествующие между ними отношения. Ко второй группе относятся перформативы, которые ничего не именуют и не изображают, но сами по себе являются особым видом социального действия.

Важнейшим критерием перформативных высказываний является то, что они не дают описаний, не констатируют ничего о мире или субъекте, который произносит данное высказывание. Но они создают ситуацию. Ситуация определяет смысл выражаемого в перформативном высказывании и указывает на семантически допустимые границы предписываемого. Роль ситуации сравнима с ролью объектов или вещей для констативов – она тоже есть семантическое условие, без которого предложение невозможно как значимое и осмысленное. Критерием значимости для перформативов будет тоже факт – ситуация и её связь с другими ситуациями. Отличие здесь в том, что если обычный факт может быть истинным или ложным, то в перформативах всё иначе: ситуации не могут быть истинными или ложными, поэтому нет функции истинности для перформативов. Но если перформативы не могут быть истинными или ложными, то в них нет знания. При этом они всё же говорят нам о фактах (в дальнейшем мы будем называть их «квазифактами»), следовательно, перформативы обозначают факты, которые не могут составлять знание, иными словами, непознаваемые факты.

Из хода повествования уже ясно, что моральные предложения – это разновидность перформативов. А так как мы определили, что перформативы

---

¹ Там же. С. 30.

всё же говорят о фактах, то и моральные предложения говорят о фактах, возможно, о «моральных фактах». Но до сих пор наши рассуждения крайне абстрактны. Поэтому рассмотрим несколько примеров. Пока что возьмем императивы (ближайшие «родственники» этических предложений, но без моральной модальности) и попробуем понять, какова их семантика. Любой рецепт, инструкция или рекомендация построены, как правило, из императивных предложений. Например, рассмотрим рецепт парового омлета из «Книги о вкусной и здоровой пище»:

(а) «Яйца смешать с молоком, вылить в формочку, смазанную маслом, и на пару довести до готовности. Подавать к столу с маслом (куском).

2 яйца, молока – 60 г, масла сливочного – 10 г.»¹.

Рецепт приведен в том виде, в каком он дан в книге. Мы можем сразу увидеть две части, на которые авторы разделили выдаваемую информацию: о необходимых ингредиентах и о действиях, которые с ними нужно предпринять, чтобы получить блюдо. Можно ли рассматривать данный рецепт в качестве дефиниции того, что такое «паровой омлет»? Следуя жесткой логике разграничения утверждений и предписаний, мы должны сказать, что нет. Вторая часть рецепта недостаточна (в ней говорится об ингредиентах, но не говорится о том, как они связаны друг с другом). Первая же часть рецепта выражена в виде предписаний, которые не могут составлять дефиниенс определения. Однако мы могли бы перевести первую часть рецепта в описание и получить определение: (b) «порция парового омлета – это 2 яйца, смешанные с 60 г. молока, вылитые в смазанную маслом формочку и доведенные до готовности на пару». В варианте (b) нет предписательных предложений, и его семантика понятна.

У нас получилось перевести (a) в (b), значит ли это, что их смысл и значение одинаковы? Нет, так как мы определили, что значение дескриптивного предложения – это истинный или ложный факт, а в (a) ничего не утверждается. Но в (a) говорится о ситуации готовки омлета, о границах этой ситуации. Для

---

¹ Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1954. С. 343.

любого типа предложений в качестве проясняющей его статус пресуппозиции можно задать вопрос. Из характера этого вопроса можно понять, что за предложение перед нами. Для дескрипции (b) мы бы спросили «что такое омлет?», но для (a) подобный вопрос неправилен. Оправданными были бы следующие вопросы: «как приготовить омлет?» или «какие действия выполнить, чтобы получить омлет?». В вопросе для (b) заложено: «омлет состоит из объектов x, y, z...». В вопросе для (a) заложено: «приготовление омлета состоит из ситуаций x, y, z...».

Статус вопроса показывает, что констативы составляют основу пропозиционального знания, знания «что», которое говорит нам о том, каков мир. Перформативы (в данном случае такая их разновидность как императивы) не показывают, каков мир, но говорят, каким он может быть. Переход от возможности к долженствованию и создает деонтологию этического языка. Поэтому следующая наша задача – описать этот переход. Но перед этим нужно решить, как возможно успешно (достигая целей речевого акта) говорить о ситуациях, которые не могут быть истинными или ложными и составлять знания. То есть как успешно говорить о том, чего «не знаешь».

§ 6. Теория моральной ошибки

В качестве вспомогательной теории, которая позволяет нам понять, как все-таки возможно осмысленно говорить о «непознаваемых» фактах, выступает так называемая «теория ошибки» («The error-theory»). Теория ошибки – это одно из наиболее важных наследий философии эмпиризма и сенсуализма, в частности, эпистемологии Джона Локка.

В «Опыте о человеческом разумении» Локк разграничивает первичные и вторичные качества: «идеями первичных качеств мы должны называть такие идеи, которые похожи на устройство самих материальных вещей. Идеи вторичных качеств не похожи на то, что их вызывает»¹. Первичные качества являются необходимым условием бытия любой вещи. Вторичные же качества не являются необходимыми, и именно они затрудняют наше познание. У Локка и первичные, и вторичные качества необходимо принадлежат вещам, но разными способами. Как считает В.В. Васильев: «По Локку, и первичные, и вторичные качества существуют в вещах. Они объективны: и вторичные, и первичные; но идеи <...> первичных качеств похожи на сами эти качества, а идеи вторичных качеств не похожи. Реально, если говорить о сами вещах, то вторичные качества являются модификациями первичных. Первичные качества — форма, а вторичные качества — определенная форма мельчайших частиц, движущихся по таким-то и таким-то законам. Вот если законы такие, то это движение вызывает ощущение красного цвета; если законы несколько другие, — ощущение синего цвета»².

Исходя из этого, утверждения о вторичных качествах можно назвать «диспозитивными», то есть утверждениями, в которых о вещах говорится, что они могут быть расположены определенным образом (понятие «диспозитивности» в отношении моральных свойств вводится эмотивистом К.

---

¹ Локк. Дж. Опыт о человеческом разумении. Сочинения в 3 томах. Т.1. М., 1985. С 71.

² Васильев В.В. История новоевропейской философии: конспект лекций. М.: МГУ, 2000. Электронное издание.

Стивенсоном и подробно обсуждается в его главном сочинении¹). Тогда утверждения о первичных качествах являются «категориальными», ведь они однозначно характеризуют вещь. Диспозитивные утверждения говорят о качествах, которыми некоторый объект обладает только при наступлении определенных условий. Например, объекту «стеклянный стакан» может быть приписаны такие свойства, как «хрупкость» или «разбиваемость». Эти свойства как бы потенциально заложены в объект и становятся актуальными при наступлении некоторого условия или группы условий. Исходя из этого, можно дать такое определение: диспозитивное утверждение – это утверждение свойства, истинность приписывания которого объекту зависит от истинности контрфактуальных условий (т.е. стакан разбиваемый [диспозитивность] тогда и только тогда, когда истинно, что стакан брошен на пол [контрфактуальное условие]).

Категориальные утверждения представляют собою противоположность диспозитивным, так как их истинность не зависит от каких-либо условий. Поэтому их определение есть отрицание определения диспозитивных: категориальным является утверждение о свойстве, истинность которого не зависит от истинности каких-либо контрфактуальных условий. В категориальных утверждениях свойства приписываются объекту первичным образом, а соответствующие данным свойствам понятия в качестве предикатов составляют реальное определение понятия об объекте.

Например, относительно такого абстрактного объекта как «треугольник» возможно категориальное утверждение: «треугольник имеет в качестве суммы углов 180 градусов». Сумма углов треугольника всегда в рамках евклидовой геометрии будет равна 180 градусам, причем отрицание этого свойства делает наше утверждение об объекте бессмысленным.

Теория ошибки заключается в том, что утверждения о вторичных качествах хоть и должны быть диспозитивными, в некоторых модусах речи они являются категориальными.

---

¹ *Stevenson C. L. Ethics and Language. Yale, 1944. P. 37–81.*

Возьмем цвет (к примеру, «красный»), который в рамках феноменологического модуса речи является категориальным свойством, но натуралистически он не может быть объяснен в качестве такового. Что это значит? Сравним «красное» с «разбиваемостью». Похож ли наш опыт определения «разбиваемого» и «красного»? Для стакана мы находим однозначное условие, когда свойство «разбиваемости» становится для него актуальным, например, когда его сталкивают со стола на пол. Для красных объектов мы не обнаруживаем таких условий¹. В темноте мы не можем точно определить цвет объекта, но включение света не делает объекты красными, мы убеждены, что они были таковыми и в темноте.

То есть в нашем феноменологическом опыте красный цвет как свойство вещей является категориальным, не зависящим от каких-либо дополнительных условий. Но «красный» все же не является категориальным свойством, так как мы не обнаруживаем общих и объективных принципов вроде математических утверждений, которые бы стояли за приписыванием данного свойства объектам. Онтологически «красный» – это диспозитивное свойство. Мы даже могли бы сказать, что все же имеются диспозитивные условия у данного свойства: например, что объект является красным только для нормальных наблюдателей в нормальных условиях. Данные условия вполне допустимы, но не феноменологически: мы не считаем, что вещи перестают быть красными в темноте или если на них смотрит человек с нарушениями зрительного восприятия.

Таким образом, цвета представляются нам категориальными феноменологически и диспозитивными онтологически. Отсюда следует, что наши описания (или наши утверждения о знании данного свойства) являются систематически противоречивыми, хотя и допустимыми. Исходя из сказанного, можно вывести следующее определение: теория ошибки для какой-либо области дискурса – это концепция, согласно которой простые атомарные

---

¹ Здесь нужно отметить, что «быть выкрашенным в красный цвет» и «обладать краснотой» – это разные свойства.

высказывания (то есть приписывание простых свойств) в данной области дискурса являются систематически противоречивым.

Австралийский философ Дж. Мэки сформулировал теорию ошибки в рамках этического дискурса, заявив, что приписывание моральных качеств поступкам, людям (объектам) и событиям однозначно ложно¹. Рассуждая по аналогии с локковской теорией ошибки для цвета, мы можем увидеть, что в рамках практической моральной регуляции и повседневного феноменологического опыта взаимодействия с моральными ценностями, мы утверждаем их в качестве категориальных. Мы говорим, что «х – морально хорошо» безусловно, то есть мы не добавляем, что «х – морально хорошо при условиях а, b, с». Даже если мы находим такие условия, то они не являются существенными, подобно условиям для однозначно диспозитивных свойств вроде «разбиваемости». То есть в повседневном опыте мы приписываем моральные свойства так, словно они объективны, но онтологически, следуя за аргументом открытого вопроса Мура, мы видим, что они не являются таковыми². Моральных свойств как реальных категориальных свойств нет, хотя они выступают в качестве основания этической регуляции. Но если в мире нет реальных моральных свойств, то наши утверждения о них являются ложными, иными словами, мы систематически совершаем ошибки, когда находимся в пространстве этического дискурса.

Продолжим аналогию с цветом. Мы могли бы применить те же подходы, что используются в метаэтике, для создания «философии цвета». Натуралистическим когнитивизмом для цвета была бы теория, которая утверждает, что онтологически существует диспозитивное свойство «красноты», которому соответствуют некоторый естественный факт, выступающий в качестве семантического основания для утверждений о том, что некоторые объекты являются красными. Данная теория могла бы сослаться на данные физики, чтобы подтвердить свои аргументы. Тогда «краснота» есть

---

¹ Mackie J.L. *Ethics: Inventing Right and Wrong*. UK, 1990. P. 29.

² Daly C. In *Defence of Error Theory* // *Philosophical Studies*: №2, 2010. P. 211.

свойство объектов, которое приписывается им, если на их поверхности имеется колебание определенных частиц, воспринятых глазом наблюдателя и проанализированные его мозгом. Но подобное дескриптивистское определение «красноты» не является достаточным для нашего феноменологического восприятия: «красное» в опыте – это не колебания частиц, но специфическое ощущение (квалия). Мы можем быть совершенно не знакомы с физикой и оптикой, но это никак не мешает нам взаимодействовать с красными объектами, отличать их от желтых объектов и рассказывать о нашем опыте взаимодействия с цветными объектами другим людям. Как ясно, всё это применимо и для этического дискурса: моральная регуляция не предполагает знания моральных фактов, что, впрочем, не исключает возможности для успешной коммуникации по поводу ценностей. Этические теории являются дескриптивистскими, но в опыте мораль подразумевает действие, а в моральном суждении есть что-то, что гарантирует обязательность этого действия. Поэтому моральные факты, настаивает Мэки – «...это сущности или отношения очень странного рода, совершенно отличные от всего остального во вселенной»¹. Они выступают в качестве объективных и необходимых в нашем опыте, но «ускользают» от философского описания. Мы знакомы с ними, но не знаем их и, возможно, принципиальная непознаваемость – это одна из их важнейших характеристик.

---

¹ *Mackie J.L. Ethics: Inventing Right and Wrong. UK, 1990. P. 53.*

§ 7. Аргументы в пользу квазиреализма

В параграфе, посвященном эмотивизму, мы объясняли фундаментальное для эмотивистской теории обоснования понятие «установки» через метафору проекции. Исходя из этого, эмотивизм можно назвать «проективистской» теорией обоснования. Наряду с эмотивизмом существует еще одна теория данного типа – квазиреализм. Главный теоретик этого направления, давший ему имя, – британский философ Саймон Блэкберн. Он разработал свои аргументы, чтобы решить стоящие перед эмотивизмом проблемы, главной среди которых является обвинение в релятивизме.

Блэкберн стремится показать, что, хотя эмотивистский тезис о невозможности морального знания является верным, тем не менее, в нашем повседневном дискурсе мы пользуемся моральными терминами так, будто они имеют реальную природу. Иными словами, Блэкберн занимает позицию в рамках натуралистического нон-когнитивизма.

Он принимает Теорию ошибки в отношении морали, и его главная задача состоит в том, чтобы показать, как возможен переход от плюральных эмотивистских установок к осмысленным моральным высказываниям. Н.В. Головки так резюмирует позицию квазиреализма: «человек может склоняться (be committed) и достаточно убедительно продемонстрировать определенную точку зрения, например, быть реалистом, в то же время не являясь реалистом в собственном смысле слова. В данном случае человек не «фиксирует факт» (stating fact), а «выражает точку зрения» (expressing attitude), и сама внешняя форма предложения может ввести нас в заблуждение относительно его логической формы»¹.

Первый и наиболее простой аргумент в пользу нон-когнитивизма квазиреалистического типа отталкивается от бритвы Оккама: когнитивизм постулирует в своей теории то, что выходит за пределы мира в его обычном понимании (то есть мира как совокупности естественных фактов и

---

¹ Головки Н.В. Квазиреализм, естественная онтологическая точка зрения и независимость истины // Вестник НГУ. Серия: Философия: № 2, 2012. С. 20.

человеческих восприятий). Нон-когнитивизм, в свою очередь, эпистемически и метафизически прост, так как рассматривает мораль в контексте человеческой природы и не умножает сущности без необходимости.

Тем не менее, именно простота нон-когнитивизма приводит его к проблеме Фреге-Гича. Как было показано, данная проблема является наиболее трудной для эмотивизма. От решения проблемы Фреге-Гича зависит, возможен ли такой моральный дискурс, который одновременно будет учитывать отсутствие истинностного значения у моральных предложений и не являться релятивистским. Напомним, что проблема Фреге-Гича возникает, когда мы рассматриваем импликацию и логический вывод при допущении нон-когнитивистского тезиса о том, что моральные высказывания – это не утверждения, а установки. Возникает вопрос: является ли общее сложное предложение установкой или нет? Для эмотивистов – нет, потому что это противоречит самому тезису об установке как единичном предложении с эмотивным содержанием. С другой стороны, подобное высказывание вполне формализуемо и интуитивно понятно.

Существует несколько путей решения проблемы Фреге-Гича. Первый из них является скорее логическим, чем метаэтическим. Решить проблему Фреге-Гича возможно, создав антиметафизическую концепцию истины, которая не связывала бы истинность предложений с метафизическими сущностями. По сути, эта концепция должна утверждать, что истина не является предикатом. Подобной концепцией является дефляционизм.

Общая схема построения любых классических инфляционистских концепций истины, по определению Я. В. Шрамко, следующая: « x является истинным, если и только если x имеет свойство F », где F представляет собой некоторый (новый) фундаментальный атрибут, призванный выразить сущность истины»¹. В отличие от инфляционизма, дефляционные концепции истины отталкиваются не от Мира, но от языка. Они стремятся показать, что истина – это не какая-то сущность или свойство, но особый логический знак. Поэтому

---

¹ Шрамко Я.В. Предикат истины в контрфактических контекстах: в защиту дефляционизма // Эпистемология и философия науки: №2, 2011. С. 81.

определение дефляционной теории истины будет следующим: «<...> это теория истины, согласно которой понятие истины понимается как метафизически пустое понятие, выполняющее в языке специфические логико-лингвистические функции (обобщение, косвенная речь, “семантическое” восхождение) и полностью объяснимое при помощи схемы эквивалентности. Можно выделить общую форму дефляционной схемы эквивалентности: (DT) <p> истинно $\equiv$ p, где под “<p>” понимается имя утверждения “p”»¹.

Различие между инфляционизмом и дефляционизмом по поводу истины, таким образом, в том, что дефляционизм не требует указывать на условия истинности предложений, тогда как для инфляционистских концепций условия истинности – это само значение предложений. Например, неопозитивистская верификация как условие истинности – это значение предложения. Эмотивисты, будучи позитивистами и принимая верификационистскую теорию значения, следовательно, находились в рамках одной из инфляционистских теорий истины². Поэтому проблема Фреге-Гича являлась для них неразрешимой. Они смогли бы решить эту проблему, но тогда им бы пришлось перестать быть позитивистами в классическом смысле. Им следовало принять, что значение – это не отношение между Миром и языком, но внутриязыковая практика. Л. Д. Ламберов пишет, что «из дефляционизма относительно истины следует, что значения должны пониматься как натуралистические свойства, сводимые к употреблению. Таким образом, дефляционные теории истины являются обоснованием теории значения как употребления»³.

Выше мы уже обсуждали витгенштейнианское понятие значения как употребления. Л. Витгенштейн не является теоретиком дефляционизма, но, как видим, его теория – это пролегалы как к дефляционизму, так и к нонкогнитивизму. Более того, непознаваемые факты, о которых мы говорили во

---

¹ Ламберов Л.Д. Дефляционизм как метафизическая концепция // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология: №4, 2013. С. 34.

² Swan K. Emotivism and deflationary truth // Pacific Philosophical Quarterly: № 83, 2002. P. 276.

³ Ламберов Л.Д. Нонкогнитивизм в этике и дефляционизм: проблема общих методологических оснований // Научный вестник Омской академии МВД России: №3, 2013. С. 35.

второй главе (называя их «квазифактами») – это, с семантической точки зрения, «дефляционные» факты («факт, который мог бы иметь место»¹). Данное понятие вводится британцем Полом Хорвичем с целью объяснения механизма определения истины в дефляционных контекстах. Он заключается в том, что «подстановки в схему (DT) могут рассматриваться в качестве частных определений понятия истины для конкретных утверждений, подстановка которых осуществляется»². Это и есть логическое решение проблемы Фреге-Гича: приняв дефляционизм, мы должны заключить, что не только прескрипции, но и любые утверждения в пределе ничего не репрезентируют, но обретают значение лишь при употреблении. Это значит, что моральные предложения могут быть дефляционно истинными, и их нужно интерпретировать «в качестве утверждений, выражающих личное отношение говорящего (например, с точки зрения экспрессивистского нон-когнитивизма), [и тогда должно быть принято, что] в “разыгрываемой” языковой игре указанное утверждение признается истинным даже при условии отсутствия каких-либо реальных фактов о морали и моральных ценностях»³.

Второй способ решения проблемы Фреге-Гича предлагает С. Блэкберн. Приступая к рассмотрению его аргументов, важно напомнить, что указанная проблема возникает при построении сложных высказываний со связкой «если..., то...». Истинность подобных высказываний определяется так: импликация ложна тт, когда антецедент высказывания истинен, а консеквент ложен, и истинна во всех других случаях. Но так как с точки зрения нон-когнитивистской семантики высказывания с моральными терминами не могут быть истинными или ложными, то они вообще не могут быть элементом логического вывода. Если так, то, во-первых, моральные предложения могут быть только простыми,

---

¹ Ламберов Л.Д. Проблема Фреге-Гича: (I) о возможности решения в дефляционном ключе // Вестник НГУ. Серия: Философия: № 3, 2013. С. 9.

² Ламберов Л.Д. Нонкогнитивизм в этике и дефляционизм: проблема общих методологических оснований // Научный вестник Омской академии МВД России: №3, 2013. С. 37.

³ Ламберов Л. Д. Проблема Фреге-Гича: (I) о возможности решения в дефляционном ключе // Вестник НГУ. Серия: Философия: № 3, 2013. С. 9.

а во-вторых, не могут быть формализованы. То есть морального дискурса не может быть: любая попытка связать простые моральные высказывания друг с другом приводит к проблеме Фреге-Гича.

Блэкберн предлагает вместо импликации рассмотреть более простой тип логической связи между высказываниями – конъюнкцию. Логическое умножение определяется следующим образом: конъюнкция истинна ттт, когда истинны оба конъюнкта, и ложна во всех других случаях. Конъюнкция, как и импликация, связывает два высказывания. Встречаемся ли мы с проблемой Фреге-Гича при таком типе связи предложений с моральными терминами? Такие высказывания, как «бить людей плохо, и пытки морально недопустимы» с точки зрения нон-когнитивизма должны быть бессмысленными. Но Блэкберн замечает, что мы понимаем подобные сложные высказывания. Это возможно, потому что в обычной речи связка «и» определяется несколько иначе, чем в логике, хотя и не теряет своего смысла. Он пишет: «нам следует расширить наше понимание [связки] “и”. Это нужно сделать, потому что так мы сможем связать предложения, не выражающие мнения и не имеющие условия истинности, как, например, команды: “швартуйте лодку и загружайте товар”. Мы должны дать примерно следующее объяснение [для данного случая]: “и” связывает обязательства (“commitments”) так, что если оба из них приняты (“accepted”), то они в целом составляют одно обязательство (“commitment”)»¹. Если подобное понимание конъюнкции будет принято, то нет никакой проблемы в интерпретации сложных суждений с «и»-связкой, даже если нами принята нон-когнитивистская семантика, а простые суждения имеют моральные термины. Предложение «бить людей плохо, и пытки морально недопустимы» с этой точки зрения будет допустимым, если тот, кто его произносит, не одобряет как избиения, так и пытки одновременно.

Возникает вопрос, применима ли эта же логика для других связок. Чтобы решить проблему Фреге-Гича, Блэкберну нужно найти такое объяснение импликации и логического вывода, которое не включало бы в себя ссылки на

---

¹ *Blackburn S. Spreading the Word: Groundings in the Philosophy of Language* New York, 1984. P. 191–192.

условия истинности. Кроме этого, нужно показать, как сложное суждение может быть установкой. В случае с конъюнкцией всё относительно просто: речь идет об установках одобрения и не одобрения, сходных с принятием и непринятием команд. Но что за установка выражается в случае логического вывода? Блэкберн называет её «моральной чувствительностью» («moral sensibility»). Американский философ Дэвид Макнотон объясняет это понятие следующим образом: «с точки зрения нонкогнитивизма, каждый из нас предрасположен (“disposed”) отвечать на различные ситуации через разные установки. Мы можем, например, возмущаться жестокостью, быть потрясенными прелюбодеянием, превозносить храбрость и так далее. Исчерпывающий набор подобных предрасположенностей (“dispositions”) мы можем называть моральной чувствительностью данного человека. Важно, что наши собственные установки обусловлены не только действиями других людей, но также моральной чувствительностью других людей. [Люди могут быть] грубыми или чуткими, негибкими или переменчивыми, восхищающимися или презираемыми»¹.

В соответствии с позицией Блэкберна, когда мы говорим «если бить людей плохо, то X не бьет людей», мы выражаем установку одобрения той моральной чувствительности, которая связывает установку неодобрения избиений в целом с неодобрением избиения конкретным человеком. Иными словами, сложное предложение со связкой «если..., то...» тоже может выражать установку, но это установка по поводу моральной чувствительности.

Введение понятия «моральная чувствительность» снимает вопрос об условиях истинности для предложений с моральными терминами, но не дает критерия обоснования для подобных предложений. Иными словами, простого указания на то, что импликация может выражать установку ещё недостаточно, чтобы избежать обвинений в релятивизме, напротив, скорее подобное решение делает указанное обвинение более острым. Блэкберну необходимо на

---

¹ *McNaughton D. Moral Vision: An Introduction to Ethics. Blackwell, 1988. P. 183.*

следующем шаге предложить теорию обоснованного вывода в рамках нон-когнитивистской семантики.

Квазиреалисты предлагают для начала разделить два типа дискурса: поверхностный и глубинный. Поверхностный дискурс – это то, как дискурс непосредственно выглядит в языковой практике, то есть, какую форму имеет его синтаксис. Так, например, поверхностной формой морального дискурса являются пропозиции с когнитивным содержанием. Высказывания «убийство плохо», «война недопустима» и так далее имеют синтаксическую форму, не отличающуюся от ассертивов. В них предикат приписывается субъекту так же, как в высказываниях «снег бел» и «люди смертны». Поэтому с точки зрения поверхностного дискурса кажется, что моральные высказывания утверждают некоторое положение дел, а ценностные предикаты обозначают какие-то реальные свойства.

Глубинным дискурсом является то, какую действительную роль играет тот или иной набор предложений в языковой практике¹. Нон-когнитивисты подчеркивают, что глубинный дискурс моральных предложений заключается в выражении установок, а также в заражении этими установками других. Все проблемы, связанные с этикой, квазиреалисты связывают с тем, что мы спутываем поверхностный и глубинный дискурсы.

Блэкберн предлагает рассмотреть язык Eex, который отличен от английского языка тем, что форма его поверхностного дискурса не описательная, а экспрессивная. Он пишет: «[такой язык] может иметь операторы “Ура!” и “Фу!” (H!, V!), которые прикрепляются к дескрипциям вещей как результат выражения установки. H!(Игра Тоттенхэм Хотспур) будет выражать соответствующую установку в отношении игры. V!(Ложь) будет выражать контрарную установку в отношении лжи и так далее»².

---

¹ По сути, поверхностный дискурс тождественен синтаксису, а глубинный – прагматике. Разграничение двух типов дискурса необходимо, чтобы подчеркнуть, что в обычном языке «дескриптивистский» синтаксис скрывает «моральную» прагматику. Блэкберн пытается показать, что возможно смоделировать и обратную ситуацию.

² Blackburn S. Spreading the Word: Groundings in the Philosophy of Language. New York, 1984. P. 193.

Далее вводится несколько допущений в отношении синтаксиса. Чтобы высказывать установки одобрения или неодобрения, мы должны поставить квадратные скобки. Так, например, предложение [Н!(Игра Тоттенхем Хотспур)] выражает одобрение игре команды. Далее, чтобы выразить связь двух установок друг с другом, мы должны поставить точку с запятой между ними. Например: [[Н!(Игра Селтик)]; [В!(Игра Рейнджерс)]] выражает связь установок одобрения игры Селтик и неодобрения игре Рейнджерс.

Теперь попробуем рассмотреть, как может выглядеть логический вывод в языке Eex. Напомним, что с точки зрения Блэкберна, условные высказывания с моральным термином есть выражение установки относительно моральной чувствительности. Тогда высказывание «если бить людей плохо, то X не бьет людей» в языке Eex принимает следующий вид: Н![[В! (бить людей)]; [В!(X бьет людей)]]]. В целом, логический вывод (II) из первой главы можно перевести в Eex и записать так:

III:

(1ex) В!(бить людей)

(2ex) Н! [[В!(бить людей)]; [В!(X бьет людей)]]

Следовательно, (3ex) В!(X бьет людей).

Теперь мы должны понять, можно ли считать вывод (III) обоснованным. Для этого представим того, кто бы принял посылки указанного заключения, но не принял его вывода. Относительно такого человека мы бы сказали, что его установки не согласованы. Блэкберн называет подобную ситуацию «столкновением установок», которая является логической ошибкой: «[такой человек] имеет сломанную моральную чувствительность, которая сама по себе не может быть объектом одобрения. “Не может” здесь выводится не потому что такая чувствительность должна быть в соответствии с некими моральными фактами, которые возможно описать, но потому что подобная чувствительность не может выполнять практической цели оценки вещей. С помощью Eex можно сигнализировать об этом»¹.

---

¹ Там же. Р. 195.

Таким образом, мы можем видеть, что проблема логического вывода в моральных контекстах не является неразрешимой. Логическая форма не есть «собственность» дескриптивистского дискурса. В моральных контекстах действуют все те же логические правила, в том числе, правила логического вывода и построения импликации. Блэкберн считает, что использование обычного языка вместо Eex обусловлено не философскими трудностями, но синтаксической простотой первого. В целом, не имеет принципиального значения, какой язык используется на практике. Как заключает по этому поводу Блэкберн: «Eex необходим в качестве инструмента серьезной, рефлексивной практики оценки, способной выразить беспокойства по поводу улучшения, столкновения, следствий и согласованности установок. Один из способов достичь этого – [использовать Eex] как обычный английский. То есть, необходимо изобрести предикат в ответ на установку, рассматривать обязательства так, словно это суждения, а затем использовать все естественные пути достижения истины. Если это верно, то использование нами косвенных контекстов не делает экспрессивистскую теорию морали ложной; это всего лишь доказывает, что принятие экспрессивистской формы [языком] адекватно потребностям. Это именно то, что называется “проецированием” (“projecting”) установок в мир»¹. Таким образом, квазиреализм разрешает главное затруднение эмотивизма — проблему Фреге-Гича. Тем не менее, это не единственный довод в пользу натуралистического нон-когнитивизма. Рассмотрим ещё два аргумента.

Ранее мы несколько раз говорили, что любые когнитивистские теории сталкиваются с проблемой моральных разногласий. Недостаточно доказать, что моральное знание существует. Если оно постулируется, то должно быть показано, как его возможно достичь. Существование морального знания подразумевает также существование критериев для определения моральной истинности и ложности. Когнитивисты, с целью демонстрации данных

---

¹ Там же. Р. 195-196.

критериев, определяют моральные свойства как супервентные в отношении некоторых естественных свойств¹.

Супервентность определяется как отношение детерминированности одного свойства другим: «Совокупность свойств А супервентна по отношению к совокупности свойств В только в том случае, если различия между двумя фактами в свойствах А невозможны без существования такого же различия между двумя фактами в свойствах В. В форме слогана это будет звучать так: “не может быть А-отличия без В-отличия”»². Моральные свойства, таким образом, не существуют в отрыве от их естественных детерминант. Из этого следует, что моральные высказывания являются логически необходимыми производными от совокупности дескриптивных высказываний о некотором положении дел. Иными словами, некоторое высказывание с моральным термином является логическим законом, если истинно, что моральный термин обозначает свойство М супервентное естественному свойству N. Это значит, что моральный дискурс, помимо случая отрицания (ложных высказываний), может состоять только из логических законов (необходимо истинные высказывания, случай нон-натуралистического когнитивизма), но никак не из контингентных истин.

Допустим, что некто выносит моральные оценки в отношении событий или явлений, имеющих одинаковые естественные свойства (а соответственно, и одинаковые дескрипции), не указывая на различия в этих естественных свойствах. С точки зрения когнитивиста, высказывания данного человека не могут считаться обоснованными. Ведь если имеется полное натуралистическое описание N некоторого события или явления, то необходимо, чтобы оно имело также и моральную оценку М. Если натуралистические описания различны, то необходимо дать различные моральные оценки для данных событий или явлений. Но как возможен переход от описания к оценке? Здесь мы вновь сталкиваемся с гильотиной Юма. Дж. Мур, осознавая указанное затруднение, попытался создать теорию нон-натуралистического когнитивизма, которая бы

---

¹ Ball S. Facts, Values, and Normative Supervenience // Philosophical Studies: № 55, 1989. P. 143-172

² Волошин В.В. Возможные миры и супервентность // Культура и цивилизация: № 2, 2018. С. 45.

не требовала полного натуралистического описания для каждого из моральных свойств, но учитывала их супервентность. Для этого он вводит понятие «интуиции». Поэтому можно сказать, что интуиционизм Дж. Мура является следствием определения моральных свойств как супервентных. Впрочем, интуиционизм усложняет и без того сложную конструкцию, но не достигает своей цели: природа моральных высказываний остается суггестивной, а способа однозначного разрешения моральных разногласий всё равно не обнаруживается.

Проективистские теории лишены указанного затруднения. Для них мораль связана не столько с естественными фактами, сколько с человеческими установками, которые, впрочем, всё равно имеют естественное происхождение. Для того, чтобы естественные события или явления получили моральную оценку, нужно, чтобы сам человек обладал определенными свойствами. Если точнее, человек должен быть способным к тому, что можно назвать «морализированием» – предрасположенностью видеть в естественных положениях дел моральные свойства и выносить соответствующие оценки. При этом указанная предрасположенность – это не познавательная способность вроде интуиции, но естественное свойство самого человека. Блэкберн пишет об этом: «<...> нет концептуальной или логической необходимости в том, что если вещь обладает суммой естественных состояний, то она также обладает частным моральным свойством. Описание того, как моральное свойство выводится из естественного состояния, подразумевает использование стандартов, корректность которых не может быть показана исключительно концептуальными средствами. Оно подразумевает морализирование (“moralizing”), и плохие люди морализируют хуже, но не обязательно ошибаются [по поводу естественных условий]»¹.

Блэкберн хочет сказать, что нет никакого противоречия в том, что человек, имея полное представление о всех естественных свойствах события или явления (то есть знает все дескрипции), может, тем не менее, выносить не

---

¹ Blackburn S. *Spreading the Word: Groundings in the Philosophy of Language*. New York, 1984. P. 184.

соответствующие данной ситуации или явлению моральные оценки, либо же не выносить никаких вообще. Причина этого не в том, что у этого человека нет моральной интуиции как когнитивной способности, но в том, что этот человек не обладает соответствующим свойством. Морализирование – это именно свойство, а не способность. Поэтому основания морали лежат в самом человеке, и обоснованность моральных суждений напрямую зависит от качеств субъекта. В предыдущем параграфе о подобном моральном качестве было сказано – это моральная чувствительность. Моральная чувствительность является тем, что позволяет непротиворечиво составлять логический вывод в моральных контекстах. Морализирование же лежит в основе моральной чувствительности так же, как способность к обобщению составляет важный элемент мышления.

Следующая проблема с понятием супервентности морали заключается в том, что она подразумевает запрет на смешанные миры. Как правило, понятие супервентности объясняется через возможные миры как вариант логической необходимости. Предположим, что имеется объект a . Какие утверждения относительно a возможны в случае принятия супервентности морали? Рассмотрим возможный мир $W1$ так, что:

1) $W1$: a есть N и a не M .

Данный случай не противоречит понятию супервентности, которое лишь утверждает, что если вещи схожи по своим свойствам в точке N мира $W1$, то они с необходимостью должны быть схожи в точке M мира $W1$. До тех пор, пока имеется только одна вещь с естественными свойствами, но без моральных свойств, супервентность выполняется. Но рассмотрим мир $W2$ в котором имеется более одного объекта:

2) $W2$: b есть N и b есть M , c есть N , но c не есть M .

Понятие супервентности исключает случаи подобных «смешанных» миров. Но как может быть объяснен этот запрет, на основании чего? Допустим, что вы действительно соглашаетесь, что моральные свойства супервентны по отношению к естественным свойствам, и при этом естественные свойства могут существовать без ссылки на моральные. Но запрет на смешанные миры должен

выдвигаться в качестве отдельного допущения. Логически непротиворечиво, что может существовать мир W_1 , в котором a есть N , но не M . Так почему мы должны запретить существование мира W_2 , где c есть N , но не M , хотя в этом мире b – это как N , так и M . Нет никакого логического принципа, который бы запрещал существование смешанных миров. Блэкберн считает, что данный запрет указывает на противоречивость когнитивизма: «данный вопрос особенно труден для реалиста, поскольку он придерживается позиции фактичности моральных положений дел, которые <...> распространяются определенным образом через натуралистические состояния. Супервентность и запрет на смешанные миры становится загадочным фактом, которому нет объяснения. Это подобно тому, как некоторые люди являются N и делают морально оправданные вещи, а другие – тоже N , но делают вещи морально недопустимые, и существует запрет на нахождение этих людей в одном и том же месте, что совершенно необъяснимо»¹.

Третий аргумент в пользу проективизма связан с понятием «мотивации». Одной из трудных проблем для любого направления в метаэтике является объяснение того, почему моральные высказывания с необходимостью должны побуждать к действию, за счет чего это возможно и каков механизм этого побуждения. Данная проблема называется интернализмом суждений. А. Ф. Васильев пишет, что «[интернализм суждений] кажется несовместимым с объективностью морали, с одной из ее предпосылок – моральным реализмом. Майкл Смит назвал это “центральной проблемой морали” (the moral problem): если реализм верен, т. е. моральные факты существуют, то естественно допустить, что моральные суждения суть веры об этих моральных фактах (когнитивизм). Но, согласно юмовской теории мотивации, никакие веры не порождают желаний, а без желаний нет мотивов. Значит моральные суждения не могут с необходимостью мотивировать»². Таким образом, когнитивизм

---

¹ Там же, Р. 186.

² Васильев А. Ф. Метаэтика: обзор проблематики // Философский журнал: №2, 2018. С. 179.

сталкивается с неожиданной проблемой: признание реализма ценностей и морального знания означает отрицание интернализма суждений.

Классическое понимание мотивации, которое, как сказано в процитированном фрагменте, связывают с британским эмпиризмом и теорией Д. Юма, подразумевает, что объяснение мотива для действия – это экспликация предшествующих действию убеждений и желаний субъекта. То есть мотивация складывается из двух оснований: разумного и аффективного. Допустим, человек, выбирая между походом в кофейню (а) и (b), выбирает (а). Если мы его спросим, каков мотив того, что он оказался именно в этой кофейне, то в ответ он скажет, что у него есть желание (например, голод), подкрепленное убеждением, что именно в кофейне (а) данное желание будет удовлетворено наилучшим образом. Теперь, если мы рассмотрим моральные действия и попытаемся выявить мотивы для них, то увидим, что мы должны либо отказаться от когнитивизма, либо от классической теории мотивации.

Допустим, что некто совершает моральный поступок, например, воздерживается от кражи денег. Метаэтическая теория должна объяснить нам, как понять мотивы данного человека. Что будет убеждением, а что мотивацией? Когнитивист должен ответить, что этот человек знает, что «красть деньги плохо» и хочет поступать в соответствии с этим знанием. Но высказывание «красть деньги плохо», лежащее в основе его мотивации, является оценочным высказыванием, а любая оценка, как мы говорили во второй главе, сама по себе является действием. Но для любого действия мы можем потребовать условий мотивации. Причем условием мотивации для действия по вынесению оценки «воровать – плохо» будет сама эта оценка и так далее. То есть мы имеем дело с дурной бесконечностью.

Для нон-когнитивизма указанной проблемы не возникает. Если мы имеем дело с проективистской разновидностью нон-когнитивизма, то нужно отметить различие установки и содержания установки. Этот тезис является общим как для квазиреализма, так и для эмотивизма. Содержание установки – это чувство или переживаемое субъектом состояние в ответ на внешние раздражители. Тогда как сама установка – это способ выражения данного чувства. Тогда мы

можем сказать, что человек не крадет деньги, так как у него есть убеждение, что кража вызовет неприятные чувства, и он хочет избежать данного переживания. Как пишет Васильев: «если, осуждая кражу, я ничего не утверждаю и не отрицаю, а просто выражаю эмоции по этому поводу, то связь между суждением и мотивацией налицо: сами эти эмоции и будут мотивом воздержаться от кражи или наказать вора»¹.

Таким образом, нон-когнитивизм способен сохранить один из важнейших аспектов морального дискурса – его связь с мотивацией к действиям. Если мы не можем обнаружить условия мотивации для морального предложения, то мы должны заключить о необоснованности того морального дискурса, составной частью которого является подобное предложение.

---

¹ Там же. С. 179.

Контрольный тест

Вопрос 1. Соотнесите описание типа исследования в моральной философии и его название. В ответ запишите соответствие цифры букве.

1) Дескриптивная этика	а) Исследование значения моральных терминов и суждений
2) Нормативная этика	б) Исследование исторической и культурной обусловленности моральных оценок
3) Метаэтика	в) Исследование того, какие действия являются хорошими, а какие — плохими

Вопрос 2. Найдите понятие, которое с точки зрения Дж. Мура является обобщающим для всех остальных понятий представленного ниже ряда. Запишите это слово (словосочетание).

Религиозная этика, утилитаризм правил, деонтология, натуралистические концепции морали.

Вопрос 3. Ниже приведён ряд терминов. Все они, за исключением двух, характеризуют метаэтику А. Айера:

1) эмотивные установки; 2) верификационистская теория значения; 3) моральный интуиционизм; 4) теория ошибки; 5) нон-когнитивизм.

Найдите два термина, «выпадающих» из общего ряда, и запишите в ответ цифры, под которыми они указаны.

Вопрос 4. Студент работает над рефератом о моральном релятивизме. Какие отличительные характеристики этой позиции из перечисленных ниже он может рассмотреть в своей работе? Запишите цифры, под которыми эти характеристики указаны.

- 1) Существование универсальных моральных правил.

- 2) Историческая обусловленность нравственности.
- 3) Отказ от оценки моральных принципов других культур.
- 4) Автономия морали.
- 5) Оценка действий исходя из последствий.

Вопрос 5. Прочитайте отрывок из произведения философа и определите, какую позицию в рамках метаэтики он занимает. В ответе укажите наименование этой позиции в именительном падеже.

«Предположим, что человек принимает самостоятельное решение по этическому вопросу. Что он пытается сделать? Частично я отвечаю так: он пытается решить, одобрять или не одобрять что-то. Поэтому сначала — хотя, как мы увидим, только сначала — его отношение играет более значительную роль в этой проблеме, чем его мысли или убеждения. Пока он этически не определился, его установки находятся в состоянии психологического конфликта; половина его одобряет определенный объект или действие, а другая половина не одобряет. И только когда он разрешит свой конфликт, заставив свои установки, по крайней мере в большей степени, говорить в один голос, он примет решение. Как мы обычно говорим, он принимает решение о том, "что он действительно одобряет"».

Вопрос 7. Прочитайте отрывок из произведения философа и определите, какую позицию в рамках нормативной этики он занимает. В ответе укажите наименование этой позиции в именительном падеже.

«...суть [моей теории] состоит в том, чтобы показать, что, проективизм согласуется с важными поверхностными явлениями этики и объясняет их, а многие из аргументов, стандартно используемых против него, не соответствуют действительности. Эти аргументы утверждают, что проективизм неадекватен тем или иным особенностям нашего этического мышления; [моя теория]

отвечает, что это не так, и далее объясняет существование этих особенностей. К таким особенностям относятся препозитивная форма в отличие от эмотивистской или прескриптивистской, а также взаимодействие этических обязательств с обычными препозитивными глаголами, разговорами об истине, доказательстве, знании и так далее».

Темы и критерии проверки эссе

Предлагаемые темы:

- Возможна ли нормативная этика без метаэтики?
- Как может помочь дескриптивная этика в вопросах моральной эпистемологии?
- Может ли утилитаризм избежать натуралистической ошибки?
- Каковы логические основания аргумента открытого вопроса?
- Каковы нормативные следствия морального интуитивизма Мура?
- Эмотивизм — разновидность морального релятивизма?
- Эмотивные установки всегда единичны?
- Поможет ли дефляционная концепция истины преодолеть проблему Фреге-Гича?
- Как теория перформативов Остина может объяснить семантику деонтических выражений?
- В чем метаэтический потенциал «Лекции об этике» Витгенштейна?
- Каковы логические основания теории ошибки Мэки?
- Почему метаэтическая теория Блэкберна называется «квазиреализм»?

Критерии:

Критерий 1 — формальные требования.

1.1 Объем — не менее 7000 знаков с пробелами (0.5 балла).

Примечание: если по данному критерию выставлено 0 баллов, работа далее не проверяется.

1.2 Плагиат — 0% плагиата в системе «антиплагиат» (за исключением общеупотребительных выражений и оформленных цитат) (0.5 балла).

Примечание: если по данному критерию выставлено 0 баллов, работа далее не проверяется.

1.3 Цитирование — не более 25% цитат в тексте (0.5 балла).

Примечание: если по данному критерию выставлено 0 баллов, работа далее не проверяется.

1.4 Оформление — шрифт Times New Roman, 14 кегель, межстрочный интервал 1,5, выравнивание текста по ширине страницы. На первой странице указаны ФИО. После эссе дан нумерованный список процитированной литературы (0.5 балла).

Примечание: ФИО и список литературы не учитываются при оценке объема эссе.

Критерий 2 — содержание эссе.

2.1 Содержание эссе соответствует выбранной теме (2 балла).

Примечание: Темы эссе сформулированы конкретно. Поэтому вы должны обсуждать именно тему, а не философское направление, которое этой темой занималось или идеи отдельных философов, посвященные этой теме. Решайте поставленную проблему, а не рассказывайте ее историю. В эссе не должно быть биографических и исторических сведений. Если по данному критерию выставлено 0 баллов, работа далее не проверяется.

2.2 В эссе четко сформулирован авторский тезис. Приводятся аргументы, подтверждающие или опровергающие выдвинутый тезис (5 баллов).

Примечание: эссе **не** может заключаться в простом изложении ваших мнений или в простом изложении мнений философов. Вы должны защищать свое мнение. То есть, вы должны предложить причины, на основании которых мы должны доверять вашему мнению. Вы не можешь просто сказать: «Мое мнение таково, что X». Вы должны сказать что-то вроде: «Мое мнение таково, что X. Основанием для этого служит, что...» или: «я нахожу, что следующие соображения... убедительный аргумент в пользу X». Точно так же эссе не может просто сообщать: «Бертран Рассел говорит, что Y» Вместо этого скажите: «Рассел говорит, что Y. Но следующий пример покажет, что Y не истинно...» или: «Рассел говорит, что Y. Я нахожу это утверждение правдоподобным по

следующим причинам...». В целом, структура эссе должна быть следующей. Начните с того, что предложите какой-нибудь тезис. Затем перейдите к выполнению одного или нескольких из следующих действий: критикуйте этот тезис; покажите, что некоторые аргументы для тезиса никуда не годятся; защитите тезис от чужой критики (сначала продемонстрируйте эту критику); предложите причины верить тезису; приведите контрпримеры к тезису; противопоставьте сильные и слабые стороны двух противоположных взглядов на тезис; приведите примеры, которые помогают объяснить тезис, или которые помогают сделать тезис более правдоподобным; покажите, что некоторые философы исподволь привержены этому тезису, хотя они явно не выступают за него; обсудите, какие последствия имел бы этот тезис, если бы он был верен; пересмотрите тезис в свете некоторых возражений.

2.3 — Оригинальность. Эссе не является простым обобщением сказанного другими (2 балла).

Примечание: цель эссе — показать, что вы понимаете изученный материал и что вы можете критически его осмыслить. Поэтому эссе должно продемонстрировать некоторую степень независимого мышления. Это не означает, что вы должны придумать свою собственную теорию или что вы должны внести особый вклад в человеческую мысль. Но вы должны попытаться придумать свои собственные аргументы или свой собственный способ рассмотрения проблемы, свой способ критики или защиты какого-то аргумента, который мы рассматривали на занятиях. Простого обобщения сказанного другими будет недостаточно.

Критерий 3 — структура.

3.1 — Ясная структура (2 балла).

Примечание: вы должны сделать структуру вашего эссе очевидной для читателя. Ваш читатель не должен прилагать особых усилий, чтобы понять связь тезиса и аргументов.

3.2 — Использование примеров (2 балла).

Примечание: Очень важно использовать примеры в философской работе. Многие утверждения философов очень абстрактны и трудны для понимания, и примеры — лучший способ сделать эти утверждения более ясными.

3.3 — Даны определения понятий (2 балла).

Примечание: Вам не нужно объяснять общие философские термины, как, например, «семантика». Но вы должны объяснить любые технические термины, которые имеют отношение к конкретной теме, которую вы обсуждаете. Так, например, если вы используете специальные термины «экстенционал», «априорное» или «пропозиция», вы должны объяснить, что они означают. Даже профессиональные философы, пишущие для других профессиональных философов, должны объяснить специальную техническую лексику, которую они используют. Разные люди иногда используют специальный словарь по-разному, поэтому важно убедиться, что вы и ваши читатели придаете этим словам одинаковый смысл. Представьте, что ваши читатели никогда не слышали их раньше.

Критерий 4 — язык эссе.

4.1 — Начало эссе. Во введении ставится проблема, а не прописываются банальные истины (2 балла).

Примечание: Не начинайте с фразы вроде «на протяжении веков человечество размышляло над проблемой...». Нет никакой необходимости подогревать вашу тему. Вы должны сразу перейти к делу, с первой фразы. Кроме того, не начинайте с фразы вроде «словарь определяет сознание как...». Словари не являются хорошими философскими авторитетами. Они фиксируют, как слова используются в повседневном словоупотреблении. Многие из тех же самых слов имеют различные, специализированные значения в философии.

4.2 — Простой и ясный язык (2 балла).

Примечание: Не делайте ваше эссе искусственно сложным. Старайтесь использовать прямой порядок слов и односоставные предложения. Количество причастных и деепричастных оборотов должно быть минимальным. Старайтесь

писать в настоящем времени. Разбивайте текст на короткие абзацы. Используйте простые слова вместо специфических научных и философских терминов, если это возможно. Не бойтесь повторять важные для вашей темы понятия, не заменяйте их синонимами без необходимости.

Список литературы

1. Юм Д. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам / Д. Юм. – М.: Канон +, 1995. – 400 с.
2. Шрамко Я. В. Предикат истины в контрфактических контекстах: в защиту дефляционизма / Я. В. Шрамко // Эпистемология и философия науки. – 2011. – № 2. – С.80–96.
3. Суровцев В.А. Л. Витгенштейн и Ф.П. Рамсей о тождестве (2) / В.А. Суровцев // Вестник Томского государственного университета. – 2011. - № 2 (14). – С. 167–181.
4. Суровцев В.А. Автономия логики: источники, генезис и система раннего Витгенштейна / В.А. Суровцев. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. – 311 с.
5. Логическая семантика: перспективы для философии языка и эпистемологии / Е.Г. Драгалина-Черная, Д.В. Зайцев, Е.Д. Смирнова и др. – М.: Креативная экономика, 2011. – 328 с.
6. Рассел Б. Философия логического атомизма / Б. Рассел. – Томск: Водолей, 1999. – 192 с.
7. Пап А. Семантика и необходимая истина: исследование оснований аналитической философии / А. Пап. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 420 с.
8. Остин Дж.Л. Избранное / Дж.Л. Остин. – М.: Идея-Пресс, 1999. – 332 с.
9. Оглезнев В.В. Проблема Фреге-Гича и аскриптивные высказывания / В.В. Оглезнев // Философия науки. – 2014. – № 1 (60). – С. 39–54.
10. Мур. Дж. Природа моральной философии. / Дж. Мур. – М: Республика, 1999. – 351 с.
11. Максимов Л.В. «Гильотина Юма»: pro et contra / Л. В. Максимов // Этическая мысль. – 2012. – № 12. – С. 124–143.
12. Локк. Дж. Опыт о человеческом разумении / Дж. Локк. – М.: Мысль, 1985. – 623 с.

13. Ламберов Л.Д. Проблема Фреге-Гича: (I) о возможности решения в дефляционном ключе / Л.Д. Ламберов // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2013. – № 3. – С. 5–10.
14. Ламберов Л.Д. Нонкогнитивизм в этике и дефляционизм: проблема общих методологических оснований / Л.Д. Ламберов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2013. – №3. – С. 34–39.
15. Ламберов Л.Д. Дефляционизм как метафизическая концепция // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. – 2013. – №4. – С. 33–40.
16. Книга о вкусной и здоровой пище / Отв. ред. О. П. Молчанова — М.: Пищепромиздат, 1954. — 432 с.
17. Каримов А.Р. Очерки современной эпистемологии / А.Р. Каримов. – Казань: Казанский университет, 2017. – 146 с.
18. Каримов А.Р. Введение в аналитическую философию / А.Р. Каримов. – Казань: Казанский университет, 2012. – 115 с.
19. Головкин Н.В. Квазиреализм, естественная онтологическая точка зрения и независимость истины / Н.В. Головкин // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2012. – № 2. – С. 17–22.
20. Волошин В. В. Возможные миры и супервентность / В. В. Волошин // Культура и цивилизация. – 2018. – № 2. – С. 43–52.
21. Витгенштейн Л. Философские исследования. / Л. Витгенштейн. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
22. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. – М.: Канон+, 2017. – 288 с.
23. Витгенштейн Л. Дневники, 1914—1916: С прил. Заметок по логике (1913) и Заметок, продиктованных Муру (1914) / Л. Витгенштейн. — Томск: Водолей, 1998. – 192 с.
24. Васильев В.В. История новоевропейской философии: конспект лекций / В.В. Васильев. – М.: МГУ, 2000. Электронное издание: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%92/vasiljev-vadim-valerjevich/istoriya-novoevropskoj-filosofii/8> (Дата последнего обращения: 01.04.2023).

25. Васильев А. Ф. Метаэтика: обзор проблематики / А. Ф. Васильев // *Философский журнал*. – 2018. – №2. – С. 167–187.
26. Архиереев Н.Л. Логический позитивизм и современная формальная философия науки / Н.Л. Архиереев // *Манускрипт*. – 2017. – №12. – С. 22 – 26.
27. Айер А.Дж. Язык, истина и логика / А.Дж. Айер. – М.: Канон+, 2010. – 240 с.
28. Swan K. Emotivism and deflationary truth / K. Swan // *Pacific Philosophical Quarterly*. – 2002. – № 83. – P. 270–281.
29. Stevenson C. *Ethics and Language* / C. Stevenson. – Yale University Press, 1944. – 338 p.
30. Soames S. *Philosophical analysis in the twentieth century* / S. Soames. – Princeton: Princeton University Press, 2003. – 411 p.
31. Smith M. *The Moral Problem* / M. Smith. – Oxford: Blackwell, 1994 – 226 p.
32. Skarsaune O. *How To Be a Moral Platonist* / O. Skarsaune // *Oxford Studies in Metaethics*. – 2015. – № 10. – P. 109–123.
33. Satris S. *Ethical Emotivism* / S. Satris. – Netherlands: Springer, 1987. – 201 p.
34. McNaughton D. *Moral Vision: An Introduction to Ethics* / D. McNaughton. – Blackwell, 1988. – 342 p.
35. Mackie J. L. *Ethics: Inventing Right and Wrong* / J. L Mackie. – Penguin UK, 1990. – 430 p.
36. Lyou J. *A Critical Study on A. J. Ayer's Emotivism* / J. Lyou // *Journal of Ethics*. – 2016. – № 1. – P. 1–30.
37. Lemos J. *The Problems with Emotivism* / J. Lemos // *Journal of Philosophical Research*. – 2000. – № 25. – P. 285–309.
38. Kagan S. *Normative ethics*. / S. Kagan. – Boulder Colorado: Westview press, 1998. – 337 p.
39. Frankena W.K. *The Naturalistic Fallacy* / W.K. Frankena // *Mind*. – 1939. – № 48. – P. 464–477.
40. Frankena W. *Ethics* / W. Frankena. – Michigan: Prentice-Hall, 1973. – 125 p.

41. Etchemendy J. *The Concept of Logical Consequence* / J. Etchemendy. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990. – 176 p.
42. Edel A. *Wise Choices, Apt Feelings: A Theory of Normative Judgment* / A. Edel // *International Studies in Philosophy*. – 1992. – № 24. – P. 143–144.
43. Darwall S. *How should ethics relate to (the rest of) philosophy? Moore's legacy* / S. Darwall. – Oxford: Oxford university press, 2006. – 397 p.
44. Daly C. *In Defence of Error Theory* / C. Daly, D. Liggins // *Philosophical Studies*. – 2010. – №2. – P. 209–230.
45. Blackburn S. *Spreading the Word: Groundings in the Philosophy of Language* / S. Blackburn. – New York: Clarendon Press, 1984. – 368 p.
46. Blackburn S. *Essays in Quasi-Realism* / S. Blackburn. – New York: Oxford University Press, 1993. – 260 p.
47. Ball S. *Facts, Values, and Normative Supervenience* / S. Ball // *Philosophical Studies*. – 1989. – № 55. – P. 143–172.